

М
О
С
К
О

В
А
З
А
Р

С
К
И
И

№ 4 (22) 2016

Журнал Московского Салона Литераторов www.mossalit.ru

***Tous les genres sont
bans,
hors le genre ennuyeux.***

***Все жанры хороши,
кроме скучного.***

Журнал выходит в рамках проекта
«МОССАЛИТ»,
руководитель проекта
Ольга Грушевская

Главный редактор
Светлана Сударикова
Редактор-корректор
Ирина Чижова
Художественный редактор
Ольга Грушевская

Редакционный Совет
Анна Народицкая
Зинаида Кокорина

Для писем
mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ

Колонка главного редактора

ПРО ДЕДУШКУ МОРОЗА. НОВОГОДНЕЕ

Верить в Деда Мороза я стала достаточно поздно, этак лет после 30. В детстве на этот счет меня терзали смутные сомнения. Особенно когда я читала в костюме снежинки в детском саду стишок сидящему на стульчике Деду Морозу. Уж очень у него была ненатуральная борода. А еще меня смущало, что этих Дедов Морозов по улице ходит несметное количество, тогда как по логике он должен быть один.

В общем, довольно быстро я смекнула, что Дед Мороз – это отличный повод для того, чтобы выудить из родителей что-то сильно необходимое в моем детском хозяйстве. Писем Деду Морозу я никогда не писала, хотя меня пытались принудить. Но как-то не сложилось: сначала писать не умела (научилась в 1 классе), а потом уже и мои родители поняли, что я просто прикидываюсь. Но по старинке еще довольно долго спрашивали, чего бы я у Деда Мороза попросила. Дед Мороз был очень выгодным проектом. Исключительно благодаря этому замечательному персонажу я имела аж два подарка на Новый год: один от родителей, другой от Деда Мороза. Так у нас в семье было принято. Потом повзрослели все мои друзья, и даже самые преданные поклонники дедули засомневались в его существовании. Хотя еще долго делали вид, что верят. Очень выгодно!

И вот когда мне стукнуло 30, ну или может, 31, в один холодный и вьюжный вечер, когда за окном мела метель, до Нового года оставались считанные дни, а хорошего и праздничного настроения и не предвиделось, меня вдруг осенило! И поняла я, как сильно заблуждалась все эти годы! Все тридцать с небольшим лет! А Дед Мороз-то на самом деле существует.

Этот простой и естественный вывод я сделала, опираясь исключительно на логику. Посудите сами: если бы Деда Мороза не было, то и подарков не было бы, а если есть подарок от него, значит, он существует. И совершенно не важно, кто именно этот подарок купил и на какие деньги, главное, что по дедушкиному велению и по его хотению. В конце концов, Тертуллиан в качестве доказательства существования Бога говорил: «Верую, ибо абсурдно». А здесь все логично, никакого абсурда. Кстати, мое незатейливое открытие подтвердили совершенно недавно, основываясь на теории вероятностей, британские ученые. Да чего уж лукавить – откровенно слямзили мое открытие!

В общем, Дед Мороз существует. Сомнений нет. Но никто в него не верит. Именно поэтому и нарядили старичка в какую-то шубу, бороду пририсовали, очки на нос нацепили. Впрочем, насчет бороды и очков вполне допускаю. Человек он немолодой, зрение наверняка садится, а борода сейчас и вовсе в моде. Конечно не такая, до пояса, как ему приписывают, а вполне себе модненькая такая бородочка. А что этот дурацкий костюмчик не носит... Это в век-то гаджетов и космических кораблей! (К кораблям мы еще вернемся.) Думаю, одет он вполне современно и модно.

Где уж он живет, не знаю. Может, в Великом Устюге (хотя там его место занял самозванец), может, в Лапландии, или на Северном или Южном полюсе, а может, и вовсе на другой планете. Такой холодненькой и снежной, где зима большую часть года занимает. В конце концов, наша планета тоже когда-то была белым космическим снежком. И вот аккурат под Новый год, или Рождество, как кому угодно (дедушке-то все равно), наш Мороз садится на свой личный космолет и прилетает на нашу планетку. Ну праздник, все такое – отчего не развлечься! Во время полета начинает вдохновлять родителей на покупку от его имени своим чадам всяческих подарков. Кто этого вовремя не делает, того дедуля наказывает детскими истериками, сучащими маленькими ножками, слезами и соплями. В общем, ничего хорошего, никакого им, беднягам, веселья.

А сам, приземлившись, ходит-бродит тем временем по городам и весям, то в ресторанчик забежит, то в бар какой-нибудь зайдет пропустить стаканчик чего покрепче, в зависимости от настроения. Но самое главное, желания-то он наши исполняет, как и прежде! И не только детские, но и наши, взрослые! И если так случится, что вы вдруг его случайно встретите, не узнав, естественно, но при этом будете отчаянно думать о том, что бы хотели получить в наступающем году, то не сомневайтесь даже – все исполнится!

Вот представьте: приходите вы утречком в кафе чашечку кофе выпить, а за соседним столиком сидит мужчина, весьма приятный внешне, с бородой, очки на носу, свитер на нем толстый белый, крупной вязки, джинсы – все недешевое, все-таки человек состоятельный, звездолет собственный имеет, это вам не какая-то яхта. Сидит, уткнувшись в гаджет, и время от времени поглядывает на вас хитрым взглядом. А вам и невдомек, что это сам Дед Мороз. Да-да, тот самый, с мешком подарков. И стоит вам чего-то очень сильно пожелать, как все исполнится! Поэтому в преддверии новогодних праздников всем советую что-то задумать – стоящее, на пустяки размениваться ни к чему, и думать об этом почаще, представлять, как оно будет, желательно в мельчайших подробностях, на тот случай, чтобы в момент встречи с дедушкой (это, конечно, вовсе не дедушка, как вы уже поняли, а мужчина в самом расцвете лет) он уловил ваше желание. А вы с ним обязательно встретитесь, и оно непременно сбудется! Даже не сомневайтесь!

С Новым годом, дорогие наши читатели! Пусть наступающий год принесет вам только радость и удачу! Пусть сбудется все задуманное, осуществится запланированное, произойдет неожиданное прекрасное! Счастья вам и радости!

Ваша Светлана Сударикова

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

- ЛЮДМИЛА СВИРСКАЯ (Чехия, Прага)
ВИКТОР ПЛЕШАКОВ (ЁЖ) (Москва)
ИГОРЬ БУРДОНОВ (МОССАЛИТ, Москва)
НАДЕЖДА ГУСЕВА (МОССАЛИТ, Москва)
- «НА ОСТРИЕ МИРОВ» (продолжение поэмы)

6
10
22
30

НОВОГОДНЕ-РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

- СВЕТЛАНА СУДАРИКОВА (МОССАЛИТ, Москва)
- РОЖДЕСТВЕНСКИЕ КАЛЕНДАРИ

50

ПРОЗА

- ВАЛЕРИЙ СТАРОВОЙТОВ (Томск)
- НОВОГОДНЯЯ РАПСОДИЯ
- ЮРИЙ НИКИТИН (Москва)
- СОЛНЕЧНЫЙ МАЛЬЧИК

53
60

СМЕХОТЕКА

- ОЛЬГА КАЩЕНКО (Москва)
- ЗОЛОТАЯ РЫБКА.
Трансцендентальная многобуквенная трагикомедия с гастрономическим уклоном и счастливым концом

65

НОВОГОДНЕЕ-РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

- АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)
- ЛЕДЕНЦОВАЯ ЗИМА

67

ПИЛИГРИМЫ

- ИРИНА ГРАНОВСКАЯ (Израиль, Хайфа)
ЛЮБОВЬ ЛЕВИТИНА (Израиль, Ашкелон)
НАРА ФОМИНСКАЯ (Курганская обл., Шадринск)
СТЕПАН КАЙГОРДОВ (Челябинская обл., Южноуральск)
ЮРИЙ ШУРУПОВ (Башкирия, Агидель)

69
71
72
37
78

НОВОГОДНЕ-РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

- ДМИТРИЙ ИЛЬИН (МОССАЛИТ, Москва)
- СНЕГОВИК-БЛЮЗ
 - НОВОГОДНЯЯ ПЕСЕНКА
 - НОВОГОДНЯЯ БЫЛЬ

85

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

ЕЛЕНА РОЩИНА (Москва)
 АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)
 ЗИНАИДА КОКОРИНА (МОССАЛИТ, Москва)

88
 92
 92

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

ОЛЬГА КАЩЕНКО (Москва)

- *ВЫЖИВШИЕ. ТРИЛОГИЯ ПРО МУЖСКОЙ ШОПИНГ*

96

НОВОГОДНЕ-РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

ЯН КАУФМАН (МОССАЛИТ, Москва)

- *НОВОГОДНИЙ СЮРПРИЗ*
- *СЮРПРИЗ ОТ ДЕДА МОРОЗА*

99
 100

ФОТОЛАБОРАТОРИЯ

МИКАЕЛ АБАДЖЯНЦ (МОССАЛИТ, Москва):
 «ЧЕРНО-БЕЛЫЕ ГРЕЗЫ»

102

СТОЛИК У ОКНА

Рубрику ведет АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- *ОДИН, СОВСЕМ ОДИН, или СТАДНОЕ ЧУВСТВО*

105

НОВОГОДНИЙ ГОРОСКОП

ОТ АННЫ НАРОДИЦКОЙ

108

В оформлении журнала использованы репродукции картин М. К. Эшера, Е. Лебедевой, рисунок А. Народицкой; фотографии из авторских архивов Микаела Абаджянца, Светланы Судариковой, Яна Кауфмана.

На обложке репродукция картины Алёны Лебедевой¹ «Петухи», акварель. 2016 г.

¹ Алёна Лебедева – художник-акварелист. Окончила Национальный институт дизайна (Москва), прошла обучение в Китайском университете международного образования, науки и технологии (Ляонин). Изучала китайскую письменность и каллиграфию, практиковалась в китайском традиционном пейзаже. Последнее время работает в классическом стиле живописи се-и и гун-би. Участница выставок в Пекине и Аньшане (награждена китайским дипломом). В ноябре 2016 года принимала участие в выставке «Осенний салон» в галерее современного искусства «Мост». Художник придерживается системы китайской гармонии и считает взаимосвязь между древними и современными практиками основой своего искусства.

ПОЭЗИЯ

Людмила Свирская
(Чехия, Прага)

* * *

Выпит снег – дорогое лекарство:
Полегчало усталой земле.
Рождество – это сонное царство
И тепло пирогов на столе,

И объятья заведомо близких,
И оберток шуршащих края...
Как обычно, тайком, по-английски,
Год уходит – потеря моя.

Келья кухни... И ангел-хранитель...
Целый мир – с ощущеньем родства...
Всех стихов недописанных нити
Я распутаю в ночь Рождества.

* * *

Любви ли, одиночества канун
В душе моей настал в конце недели?
Да будет снег – до оторопи юн
И как-то чересчур самонадеян!

Да будешь ты! Опомнись, не поверь,
Что снег нестойк, словно крем воздушный...
И пусть стихи напишутся поверх
Декабрьской прозы – стылой и недужной...

Да будет снег! И сонной лампы круг!
И мир, где все обыденно и просто!..
Мои стихи прими из первых рук –
Горячие, как утренние тосты.

* * *

Мне без праздников жить бы – без вечных помех
(В полусонных объятьях чужого застолья)...
Разбросала зима свой искусственный мех:
Наконец-то и ей захотелось раздолья!

Двое суток рвалась и тянула ко дну,
Поливая дождем целый мир между делом...
Под язык бы – «от сердца» – снежинку одну,
А другую – под сердце, чтоб чуть охладело.

Где осколок разбитой на счастье луны?
Зацепился за ворс нависающей тучи...
Я давно заслужила глоток тишины:
Заповедно-лиловой, бездонно-дремучей...

Впрочем, нет. От зимы не хочу ничего.
Бог судья, я по ней никогда не скучала...
Просто скоро опять на земле Рождество:
Стопка чистых листов. Ощущенье начала.

* * *

Мы зимой гонялись за зимой
 По бесснежным далям и вершинам,
 Чтобы снег – трофей волшебный мой –
 Взять в ладонь сугробиком мышиным,

Чтоб хоть раз слепить снеговика –
 Маленького, круглого, смешного,
 Чтобы ровный след издали
 Невзначай припорошило снова,

Чтоб узор – изысканно немой –
 Разглядеть на ледяной эмали...
 Мы зимой гонялись за зимой
 И за белый хвост ее поймали.

* * *

На ладони лепестки ромашки:
 Любит ли, не любит – что с того?
 Может, в сердце, в потайном кармашке
 Не осталось больше ничего?

Лепестки невидимым усилием
 Отпущу с ладони из окна...
 Милый, не твои ли это крылья?
 Кто их оборвал тебе? Она?

* * *

У стихов не бывает конца и начала:
 Ниоткуда опять возникает строка.
 Я пишу о любви, чтобы чуть полегчало,
 Чтобы чуть улеглась вековая тоска.

Я пишу о любви, чтобы множилась, длилась,
 Заполняя все трещины, щели и швы,
 Потому что опять она впала в немилость
 В этом мире, где все мы друг с другом на «вы».

Я пишу о любви (кто-то должен, однако)...
 И мечтаю сквозь годы, дороги, листья
 Дотянуться к тебе восклицательным знаком...
 Чем еще? У любви вечно руки пусты.

* * *

Стихи все чаще не приходят,
 Они больнее с каждым днем:
 Неотличимы от пародий
 Иль заклинаний над огнем?

В глухой подземной галерее
 Строка плетется наугад...
 Сказать: чем дальше – тем мудрее?
 О нет! Зависимей стократ

От детских праздников и будней,
 От снегопадов и врачей –
 Стихи не стали многолюдней,
 Неистовей и горячей.

Наоборот! Строка сухая
 Порой осыплется в руке...

Стихи, навек во мне стихая,
 Едва маячат вдалеке.

Моление о снеге

Декабрь бесснежный, словно нищий
 На площади вокзальной, жалок.
 Мой сон – сказать вернее: снище
 (В котором я была, пожалуй,
 Счастливей всех) – о том, как сладко
 С горы летела снежной... С Витей:
 На шерстяном носке – заплатка,
 Под шубкой – полосатый свитер.

«Бесснежный» – стало быть, осенний, –
 Зима твердила в ритме вальса.
 Был снег заслуженным спасеньем,
 Он в руки всем легко давался...
 Что в нашем мире изменилось?
 Снег скоро станет завещаньем...
 Год уходящий, сделай милость:
 Брось хоть снежинку на прощанье.

Такие женские проблемы

1

Когда надеть мне нечего порой,
А люстры во дворце уже горят,
Выдумываю сказочный наряд:
И ткань, и цвет, и главное – покрой...
Мех на плечах, а в волосах – перо...
Карета у подъезда... На метро
Я голым королем – во всей красе –
Лечу на бал. В застиранной джинсе.

2

Бывает – смотришь в зеркало с утра,
Страдая: что за старая галоша?
Но надо жить и нравиться прохожим,
А главное – себе... *et cetera*...
Ну-с... чашка кофе, пара эсэмэс,
Чайковский – упоительно-лиричный...
Я старой пудры порошок яичный
Безжалостно выбрасываю... Бес-
Церемонно молодость трясу –
Лентяйку вечно сонную... Ну, живо!
Чтоб выглядеть счастливой, быть счастливой –
Хотя б весной... Раз лето на носу,
Ноге отекающей – выпасть из кроссовки
Бесполой... чтобы в туфельку вползти...

Смотри, какая в зеркале красотка:
Ведь глаз же невозможно отвести!

3

Когда любимый бросил, уходя,
На стол ключи – от дома и от жизни,
Надеть ее, как старенькие джинсы,
Труда не составляет мне... Хотя...
Вон кошка на диване: мур-мур-мур...
(А милый здесь был явно третьим лишним!)
Устроим с нею маленький девишник:
Глядишь – и снова выстрелит амур!

* * *

Синоним счастья – лето. В семь ноль три,
Зимой, на остановке, с сумкой полной,
Всегда немного радостно и больно
Мечтать о нем. И, что ни говори,
Так хочется, вздохнув порой, смешать
Дни, как костяшки бабушкиных счетов,
Ключ повернуть на двести оборотов –
И ждать, и затаиться не дыша...

Жасминный полдень. Розовая даль.
Пузатых вишен старенькое блюдо.
За целый год я счастлива, покуда
Синоним счастья – лето. Как ни жаль.

* * *

Мое детство случилось – давно ли?
И как будто бы даже всерьез...
Моя юность прошла без магнолий
И цветущих каштановых грез.
Пусть без принцев! Зато без кощеев!
Никого и ни в чем не виня,
Я застряла в одном из ущелий
Навсегда меж веками двумя

* * *

Придумать новогоднюю *love story*
Хотелось мне. Но мысли – не о том:
Там – минус тридцать пять и снега – море,
А я – в бесполой куртке под дождем.

Там – ветер, с ног сбивающий навеки,
Здесь – в декабре зеленая трава,
И тянутся бессонные побеги
Туда, где я всегда была права,

Туда, где было счастье высшей пробы,
Где вечно светят юности огни...
Там – минус двадцать восемь. И сугробы –
Почти до плеч, куда ни поверни.

Разлука – бесполезная наука:
Ни аксиом, ни формул не найдешь.
Пока любовь на свете близорука,
Не страшен в Рождество унылый дождь.

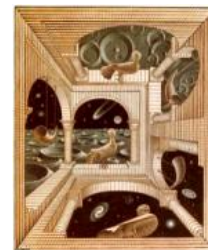
Декабрь у нас всегда похож на осень:
От оспинок дождя рябит стекло,
Но из страны, где минус двадцать восемь,
Плывет ко мне заветное тепло.

Алёна Лебедева. Петухи. Акварель, 2016 г.

ПОЭЗИЯ

Виктор Плешаков (Ёж)
(Москва)

Алло! Маргарита...

Алло! Маргарита? Какое счастье –
Ты здесь... Ты со мной в этом мире хрупком.
Я снова нашел тебя... Кто я? Мастер.
Постой, Маргарита, не вешай трубку!

Алло, это я... Ну какие шутки?
Поверь, мы знакомы давно с тобою.
Я все объясню, только дай минутку.
Да что ж это?! Снова гудки отбоя...

Алло, Маргарита, послушай молча,
А сердце подскажет, где быль, где сказки.
Мне жить без тебя – только выть по-волчьи.
И я по ночам надрываю связки.
Мне жизнь без тебя – только мрак и холод.
Признаюсь, что был от безумья в шаге.
Сегодня с утра подарил мне Воланд,
Одиннадцать цифр на клочке бумаги.

«Игра не окончена! – молвил. – Мастер,
К столу! Заполняйте шарами лузы!
Камбэк² неизбежен и в вашей власти
Стряхнуть липкий сон с драгоценной
Музы».

Ты помнишь? Весна, ветер свеж и гулок.
Тверская, густая толпа прохожих.
Пустынный холодный кривой проулок.
И желтый букетик... такой тревожный.
А помнишь? К нам кони по небу мчатся.
В иные миры приоткрыты двери...

Я слышал о фактах реинкарнаций
И, честно сказать, до конца не верил.
Но я – в двадцать первом. И, как ни
странно,
Увяз в тех же мыслях и в том же теле.
Прописан в подвале. Пишу романы,
Ненужные людям на самом деле.

Не помнишь? Обидно. Но вдруг когда-то
О прошлом тебе странный сон приснится?
Тогда разыщи меня... Мы с Пилатом
В той самой палате и той больнице...

² Камбэк (англ. *comeback* – возвращение) – ситуация в бильярде, при которой игрок, значительно отстающий в счете, сравнивает его или выигрывает матч в целом.

Я вернулся из плена...

Вот и время пришло привыкать постепенно
 К шуму города, шепоту влажных ночей.
 Я вчера рано утром вернулся из плена
 Без салютов, оркестров, помпезных речей.
 Обошел незаметно преграды и стены,
 Снял капканы, расстроил ловушки... и вот...
 Я вчера, наконец-то, вернулся из плена
 В дом, который так долго и преданно ждет.
 Отлежусь, подлечусь, а затем непременно
 Встану в строй, как потомственный стойкий солдат.
 Я вчера, как мечталось, вернулся из плена...
 Только что же, скажите, так тянет назад?
 То ли дух несвободы гуляет по венам,
 То ли факел бунтарства внезапно погас...
 Я вчера, так случилось, вернулся из плена
 Губ пьянящих твоих, теплых бархатных глаз.
 Все прекрасно! Я снова один во вселенной.
 Но зачем-то приснилась округлость колен.
 Я вчера (не дурак ли?!) вернулся из плена...

До чего ж восхитителен был этот плен!

Шлепаю по лужам...

У меня сомнений нет –
 я кому-то нужен.
 Ерунда, что без штиблет
 шлепаю по лужам.

И пускай пуста сума,
 «шут» ярлык приклеен,
 я еще сведу с ума
 пару-тройку фрейлин.

Трубка, посох и свирель –
 груз смешней пушинки.
 Но зато в душе – апрель,
 песни и смешинки.

Но зато сто лет в обед,
 зная, умом загружен.
 Улыбаюсь. Без штиблет
 шлепаю по лужам.

Я готов ни пить, ни есть,
 лишь месить дорогу.
 Говорят, что где-то есть
 дева-недотрога.

Мол, ударена мешком
 чертом, не иначе.
 Столько лет уж босиком
 все по лужам скачет.

С чертом этим я в ладу.
 Как не веселиться?
 Я – настырный. Я найду
 чудную девицу.

Попрою ей свой куплет,
 улыбнусь уклюже.
 И вдвоем мы без штиблет
 вдаль пойдём по лужам.

Модница Ульяна

Любила улитка Ульяна
Носить очень модные шляпки.
Вставала она непростительно рано,
Влезала в широкие тапки.
Умывшись, чтоб стать очень чистой,
Брала для покупок корзину.
Лесною тропой непростительно быстро
Ульяна ползла к магазину.
В отделе красивых уборов
Распахнуты двери и рамы,
Все знали, что к ним непростительно скоро
Примчится богатая дама.
Но день покатился с пригорка,
А солнце устало лучиться,
Ведь было ему непростительно горько,
Что дама никак не примчится.
Темнело. Проклюнулись звезды.
Торговцы вздыхали сурово.
Как вдруг:
– Я пришла непростительно поздно,
Но вряд ли уйду без обновы!
Руками всплеснув у порога,
Смеялась:
– Глазам я не верю!
Новинок у вас непростительно много!
А можно я все их примерю?

На шляпки смотрела влюбленно,
Крутилась у зеркала ловко.
Торговцы к утру непростительно сонно
Тащили рулон упаковки.
Пора, намекали, в дорогу.
Сезон на носу, мол, холодный.
Она, заплатив непростительно много,
Шептала:
– Зато это модно!
Шуршали и падали листья.
Скрипели потертые тапки.
Пока добралась, непростительно быстро
Из моды вдруг вышли все шляпки.
Швыряла покупки улитка:
– Носить это глупо и странно!
И снова с утра непростительно прытко
Ползла к магазину Ульяна.

Вам выглядеть хочется мило?
Вам нравятся тоже обновы?
Когда непростительно станет уныло,
Прочтите стишок этот снова.

Алёна Лебедева. Петухи. Акварель, 2016 г.

Вздорная Манюня

У Машки дом не прибран, не ухожен.
«Лентяйка-баба!» – всяк в деревне скажет.
Не надо, мол, совсем уж лезть из кожи,
Чтоб стекла отскоблить хотя б от сажи.

И дворик свой держать в приличном виде,
Конечно, тяжело, но совсем не пытка.
Здоровьем бог старуху не обидел,
А лень насыпал, кажется, с избытком.

И вредный нрав добавил ей в придачу.
Склочнее бабы и искать не нужно!
Соседки часто рады посудачить:
«Слыхали? Машка вновь побила мужа!»

А дед Петро в жене души не чаял:
«Моя Манюня – ласковой овечки».
А на усмешки кратко отвечая,
Шутил, прикрыв синяк: «Свалился с печки».

Его любили, всюду были рады –
Улыбчив, тих, всегда помочь готовый.
В деревне нет такой, пожалуй, хаты,
Не знавшей рук мозолистых Петровых.

Казалось, все умеет он на свете –
И сложит печь, и с крышей разберется.
Упал забор? Зовите деда Петю.
Колодец нужен? Будете с колодцем!

Петро придет, покурит у порога.
Объем работ прикинет. Вновь закурит:
«Как для Манюни сделаю, ей-богу,
А у Манюни все всегда в ажуре!»

До денег мастер вовсе был не падок.
Ценил свой труд задешево и робко:
«А сколько дашь – яички, зелень с грядок,
Само собой, пока тружусь, похлебку».

Поесть любил, присядет – рюмку клюнет,
Похвалит суп, попросит дополнения:
«Не хуже суп, чем у моей Манюни!
Напьешь с собою? Женке... для сравнения...»

Когда темнело, выпив наспех чая,
Не ждал, когда луна вверху повиснет,
Спешил домой: «Манюня там скучает,
И в банке суп, боюсь, еще закиснет.

Приду с утра».
Но не пришел однажды...
Ведь жизнь – тире... Совсем не многоточье...
Старуха-смерть придет с косой за каждым.
За ним пришла во сне безлунной ночью.

С Петро простились, в церковке отпели.
Вдова – без слез. Не распустила нюни.
Но знают все, что после две недели
В подушку выла вздорная Манюня.

Алёна Лебедева. Петухи. Акварель, 2016 г.

Он... Она...

ОН

Он понимал: они совсем не пара.
 Да, понимал... И это стало болью...
 Ну кто он есть? Чудак. Смешной и старый,
 Побитый крепко временем, как молью.
 Они, увы, из разных измерений:
 Она светла, мила, юна, как роза.
 Ей на балах блистать, сиять на сцене,
 А он в плену подагры и артроза.
 К тому ж богата... золото, алмазы
 И дом за баснословные деньжищи.
 А он же нищ. Лишь уголок под вязом,
 Лоскутик неба – все его жилище.
 Пугливый город вздрагивал от грома,
 Смешная шляпа не спасет, промокнет.
 А он стоял. Не мог уйти от дома.
 И все смотрел, нахохлившись, на окна.

ОНА

Она за вечер, может быть, раз двести
 Кидала взгляд в окошко на аллею.
 Он под дождем стоял на том же месте,
 И оттого ей было чуть теплее.
 Уже немолод, но поджар и строен.
 Холодный взгляд. На что-то смотрит хмуро.
 Наверное, по тем лекалам скроен,
 Что были до пришествия гламура.
 Он как скала, что неподвластна буре,
 Укроет, защитит, в беде не бросит.
 А шляпа так идет его фактуре!
 Как жаль, такой фасон уже не носят.
 К чему ей дом, коль в нем душа – заложник?!
 Зачем ей эти бальные наряды?!
 Она готова выскочить под дождик,
 И быть с ним рядом... лишь бы только рядом.
 Шептать слова заветные на ушко,
 Из слов любви плести тугие звенья.
 Но кто она? Всего лишь безделушка.
 Достойная, наверное, презренья.

А ливень мыл фасады... слой за слоем,
 И стекла тер оконные до хруста.
 Дождю плевать, о чем мечтают двое –
 Фонарь и позолоченная люстра.

Осеннее солнце

Пиджак аккуратно заправив в потертые треники,
 Страдальчески охая, месяц глядит в лужу мелкую.
 Осеннее солнце уснуло в заброшенном скверике,
 Свернувшись калачиком слева под третьей скамейкою.

У входа фонарь улыбается как-то рассеянно.
 Седа голова, а в глазах удивление мальчика,
 (Поверит ли кто?) ведь он видел, как солнце осеннее
 Под третьей скамейкой, зевая, свернулось калачиком.

Уютно на сердце и верится только в хорошее –
 Беда обойдет или кто-то примчится на выручку,
 Пока по ночам под скамейкой в том сквере заброшенном
 Осеннее солнце сопит безмятежно в две дырочки...

Гуляла ворона...

Такой был денек, что пером не опишешь!
 Аж грудь распирало – такой был денек!
 Гуляла ворона по солнечной крыше.
 Шагала то вдоль, то чуть-чуть поперек.

И было вороне гулять интересно.
 Пусть сложены крылья, но это – полет!
 Ведь знала ворона, рождается песня.
 Еще пару нот – и она запоет.

Искусству уже невтерпез в птичьем теле.
 И рвется из глотки оно, как пожар.
 Ворона – к трубе и, успев еле-еле,
 Пропела чудесно-весеннее: «Карррр!»

Скворцы встрепнулись: «А шо это было?!»
 Да что с них возьмешь? Темнота!
 Шантрапа!
 Они не мешали быть даме счастливой
 И сделать на крыше изящное па.

Ценители песен ворону услышат.
 Прекрасному – жить, как бы кто ни шумел.

Гуляла ворона по солнечной крыше
 И новую песню слагала в уме...

А небо здесь глубже...

А небо здесь глубже... А звезды здесь
 ближе...
 Луна покрупнее столичной на треть.
 Пусть кто-то мечтает скончаться в Париже,
 А мне бы от старости здесь умереть.

Несложно найти для покоя местечко –
 На склоне вольготно разлегся погост.
 Внизу омутки вяжет тихая речка
 И дремлет забытый разрушенный мост.

Скрывает секреты ветла-недотрога,
 Качая кудрявой своей головой.
 Куда-то в пригорки змеится дорога,
 Заросшая густо травой-муравой.

Роса на травинках сверкает горохом –
 Хоть пей, хоть купайся. Нигде – ни души.
 И вовсе неважно, какая эпоха
 Уснула нечаянно в этой тиши.

Столицы Европы однажды увижу
 (Я – скиф, я – упряма, поживу и до ста),
 Чтоб хмыкнуть: «Ну да... интересно в
 Париже!

А вот умирать есть получше места!»

Этот город...

– Капитан, черт возьми, мы здесь сдохнем и сгинем!
 Этот город, как шлюха, пропахшая скверной.
 Может, хватит уже дегустировать вина
 В многочисленных грязных портовых тавернах?
 Что мы ждем, что мы ищем и что нам здесь надо?!
 О каких ты толкуешь таинственных знаках?
 Капитан, оглянись! Тает наша команда,
 Увязая в борделях, попойках и драках.
 Капитан, мы когда-то повенчаны солью.
 Ты нас вел к горизонтам волшебным и синим.
 Где-то там нас еще ожидают Ассоли,
 Ну а в трюмах алеет запас парусины.
 Капитан, прикажи – и взлетит бригантина.
 Запоют по ветрам заскучавшие снасти.
 В этом городе (знаешь ли?) кислые вина.
 В этом городе нет даже запаха счастья.

– Да, я слышу. Садись. Выпьешь кружечку тоже?
 Эту дрянь не смакуй. Пить ее – только махом.
 А ты знаешь, мой друг, как предчувствия гложут,
 Расползаясь в душе паутиною страха?
 Этот город и порт – чья-то скверная шутка.
 Ничего здесь не ищем: ни счастья, ни горя.
 Но ты можешь представить себе на минутку,
 Что моряк... старый волк... вдруг пугается моря?
 Нет? А я вот испуган. Без всякой причины.
 Да так сильно, что крепко сжимаются гланды.
 Но ты прав! Нам – пора! Мы пока что – мужчины!
 На рассвете выходим. Зови, друг, команду.

Через месяц в порту кто-то молвил устало,
 Заглянув в кружку с пойлом вонючим с опаской,
 Мол, свидетели есть, как разбился о скалы
 Неизвестный корабль с необычной оснасткой...

Женщина с другой планеты

День прошел с обычною сноровкой.
Завтра выходной, а скоро лето...
Курит на трамвайной остановке
Женщина с другой планеты.

Вот и транспорт, впрочем, не последний...
Что-то не хватило сигареты...
И еще дымит пятьсот мгновений
Женщина с другой планеты.

А потом – квартира, холод окон,
Темнотой, как трауром, одетых.
Словно заползает в тесный кокон
Женщина с другой планеты.

Монитор мерцает, мэйл загружен.
«Новых писем нет», – звучит, как «вето».
Шепчет: «Ну и пусть... Никто не нужен...»
Женщина с другой планеты.

Есть дела... привычные... родные...
Надо бы и то успеть... и это....
Как же ненавидит выходные
Женщина с другой планеты!

Телефона трель, как в голод – яство.
«Только бы успеть!» К нему – ракетой.
Чей-то хрипловатый голос: «Здравствуй,
Женщина с другой планеты!»

Последнее небо

Последний рассвет над Ла-Манчей
Торжественно стяг поднимает.
Нет, Санчо, я вовсе не плачу,
Я просто себя вспоминаю.
Как молод я был и наивен,
Как верил в доступность победы.
Мое неподкупное имя
Гремело не только в Толедо.
Пустяк, что потугами сплетниц
Безумного слава повисла...
Как много мне встретилось мельниц,
Как мало в сражениях смысла.
Мой опыт научит кого-то.
Не сразу... но будет же время...
Поверь мне, что быть Дон Кихотом –
Не самое легкое бремя.

Как душно... Я скоро умолкну.
Костлявая давит на шею.
Откройте скорее все окна...
Эй, Санчо, ну где ты, мошенник?
Последний бы раз с Росинантом
По площади гордо промчатся...
Эй, Санчо, копье мне! И латы!
И руку! Поможешь подняться?

О боги, как небо синее –
Последнее небо такое...
Простите меня, Дульсинея,
Что я не у ваших покоев.

Эхо

Месяц смотрится прорехой
 в складках мутного сукна.
 Ночь. Зима. В избушке Эхо
 примостилось у окна.
 Стынет чай в железной кружке.
 Тонко пахнет бергамот.
 На нетронутые плюшки
 все косится черный кот.
 Догорает тихо свечка
 в кружевах застывших слез.
 Снег свернулся на крылечке,
 как продрогший старый пес.
 Мысль бредет... За ней другая...
 Обе – зряшны и пусты.
 Эхо смотрит не мигая
 на замерзшие кусты.
 Иногда вздохнет устало,
 длинно, в несколько слоев.
 То ли в дебрях пусто стало,
 то ли – старость, чтоб ее...
 А ведь раньше (было дело)
 всюду жили голоса.
 Эхо птицей к ним летело
 поболтать хоть полчаса.
 И на всех хватало силы,
 и на все хватало дня.
 Эхо весело шалило,
 заблудившихся дразня.
 А теперь... То ноют кости,
 то не так все, то – не то.
 И приходит реже в гости
 рыцарь юности – Пихто.
 Видно, тяжело стало деду
 мощи древние нести.
 Выйдет утром, а к обеду
 он всего на полпути.
 Полверсты, а все ж – помеха,
 иногда не превозмочь.
 – Ох, беда-а-а... вздыхает Эхо,
 не мигая глядя в ночь.

Тени робко мнут подушку,
 печь сопит, открывши рот,
 и украденную плюшку
 доедает черный кот.

Кольцо

Он так молил, но Бог Ее не спас...
 Как видно, милость божия скупа...
 И Он плевал, зверясь, в иконостас
 и материл отчаянно попа.
 Посуду бил в ближайшем кабаке.
 Как воду водку пил и не пьянел.
 Пришел домой с зажатым в кулаке
 кольцом, что подарить Ей не успел.

Когда же ночь шагнула на порог
 и Он затих, а может быть, уснул,
 к нему явился виноватый Бог,
 присев неслышно рядышком на стул.
 Не каялся, что поздно и не зван,
 не осенял божественной рукой,
 лишь молча взял протянутый стакан
 и выпил залпом с Ним за упокой.
 Смотрел, как Он то плакал, то курил,
 то вспоминал Их планы и мечты.
 Они цедили водку до зари,
 не замечая, что уже на «ты».
 Когда же небо стало слюдяным
 и побледнели тени от теней,
 Бог вдруг сказал, что явится за Ним
 спустя пять дней и переправит к Ней.
 Пообещал: «Все будет хорошо»,
 смахнул в ладошку крошки со стола,
 и, улыбнувшись ласково, ушел,
 сославшись на заботы и дела.

Проснулся Он с улыбкой на губах
 и даже, бреясь, что-то там запел.
 А там, где жили гнев, обида, страх,
 возник реестр незавершенных дел.
 И крепла в отражении зеркал,
 сияя, необорванная нить.
 Какое счастье – Он не потерял
 кольцо, что не успел Ей подарить.

Потрепанный ангел

А вы меня, конечно, не узнали.
 Но так должно быть. Я не укоряю.
 Я вас встречаю в этой белой зале,
 Чтоб проводить к обещанному раю.
 Его пришлось так долго ждать, простите.
 Чуть-чуть до ста не дотянули, кстати.
 Ну что вы... Нет, я вовсе не Спаситель.
 Хотя в какой-то степени спасатель.
 Я над плечом парил все годы, справа,
 И защищал вас преданно и яро.
 Я вместе с вами пил любви отраву,
 И прикрывал вас телом от ударов.
 Мы одолели ложь, огонь и горы.
 Нас не сломили ни ветра, ни грозы.
 Да, это я шептал на ушко: «Скоро...»
 Да, это я сушил губами слезы.
 Вот потому ношу так много шрамов,
 А крылья, словно скомканные стяги.
 Ведь вы, признайтесь, были шустрой дамой
 И безрассудно лезли в передраги.
 Поверьте, я нисколько не жалею,
 Что мне такая спутница досталась.
 Ведь я любил вас жарче и сильнее,
 Чем мне по долгу службы полагалось.
 Хотя сейчас совсем не для открытий
 Мы подошли к сияющим воротам.
 Поторопитесь. Ждут уже. Идите.
 А мне пора. Зовут. Родился кто-то.

Просыпайтесь, Королева!

Петухи с горделивой вальяжностью
 Дарят утру свои перепевы.
 Просыпайтесь, моя Королева,
 Ждут дела государственной важности.
 Распугав воробьиною братию,
 Дождь грибной сыплет в окна горохом.
 Для природы, конечно, неплохо,
 Но прохладно. Накиньте-ка мантию.
 Кофе, булочки в трапезной поданы.
 Загляните туда на минутку.
 Ведь негоже с голодным желудком
 Осчастливливать выходом подданных.
 А они бунтовать уже мылятся,
 Зло стучат в опустевшие площадки.
 Шесть несущек, собака и кошка
 Ждут-пождут Королеву-кормилицу.
 Ну а после решающим фактором
 Станут фазы луны из тетрадки.
 Вас, моя Королева, от грядки
 Дотемна не оттащишь и трактором.
 Я же вновь заряджу в пушку специй,
 Подожду на балконе дракона,
 Разберусь с ним по букве закона,
 Если снова нарушит Конвенцию.
 Да надену пиджак попримечнее
 С отворотами и вензелями.
 Пообщаюсь с балкона с послами,
 Если будут такие в наличии.
 Без обеда опять? Делать нечего...
 Понимаю, что график и риски...
 Королевству никак без редиски.
 Что ж... увидимся в трапезной вечером.
 Посидим в полумраке загадочном,
 Побухтим о превратностях сева...
 И пока вы – моя Королева,
 В королевстве уютно и сказочно.

Как ветер

Он был, как ветер, полон сил
И, небом грезя,
Ей, просыпаясь, говорил:
– Ну что? Полезем?
Туда-обратно, в два конца
До тьмы успеем.
И улыбался, как пацан:
– Вставай же, фея!
Она за ним... Да хоть во тьму...
Без всяких «если»...
Смеялась радостно ему:
– А что? Полезли!
Ей было, в сущности, плевать
На выбор цели.
За ним весь день лететь-бежать?
Да хоть неделю!
Да хоть всю жизнь! Какой пустяк!
Не нужен отдых.
Он был, как ветер, нежен так...
Он был, как воздух...
И, наспех выпив теплый сок,
Почти вприпрыжку,
Тащил ее за локоток:
– Пошли, малышка!

Кто бросит камешек в строку,
Мол, стих – нелепый
О двух улитках, по листку
Скользящих в небо?

Мостик

Спустишься с крылечка,
Выйдешь за калитку –
В лопухах вдоль речки
Тропка вьется ниткой.
Там, где ивы плачут
Над чужой бедою,
Прячется висячий
Мостик над водою.
Заскрипят дощечки,
Мост расправит плечи,
И качнется речка
Радостно навстречу.
Защитит от лиха,
От тоски и зноя,
И прошепчет тихо:
– Ты побудь со мною.
Водорослей гривы
Моются теченьем.
В полумраке ивы
Иволг песнопенье.
Рыбки – врассыпную
звездным фейерверком.
На воде рисуют
Что-то водомерки.
Камни греют спины,
Смотрят безразлично,
Как скользит в глубинах
Силуэт девичий.
Затаись беззвучно
На мосту-качалке.
Если ты везучий,
Вынырнет русалка.

Алёна Лебедева. Петухи. Акварель, 2016 г.

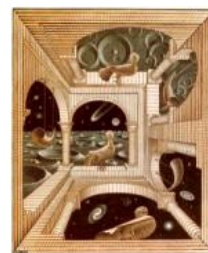
Птичий рынок. Смешались звуки

Птичий рынок. Смешались звуки.
Лай. Мяуканье. Гомон. Трели.
Продаюсь я в чужие руки.
Продаюсь уже две недели.
Я озяб. Я устал. Простужен.
Что вы ходите здесь кругами?
Мне хозяин другой не нужен.
Мне бы снова вернуться к маме.
Солнце к лесу склонилось низко.
Птичий рынок. Апрель. Суббота.
Вот опять начинают тискать –
Непонятная фифа в ботах.
Сбился набок берет упрямо,
Шарф нелепый на шее тонкой.
– Вы бы мимо гуляли, дама.
Вам бы лучше купить болонку.
Вряд ли сможем ужиться вместе.
На меня не найти управу.
Я пока лишь комочек шерсти,
Но ведь вырасту волкодавом.
Мне бы степь без конца и края,
Ту, где ветер свободой пахнет,
Ту, где солнце встречают лаем,
А в квартире у вас зачехну.
Только фифа вдруг близоруко
Заглянула в глаза с тревогой
И спросила:
– Ты будешь другом?
Я устала быть одинокой.
Столько смысла и столько боли,
Было в этом простом вопросе,
Что нечаянно, поневоле
Я лизнул ее теплый носик.
Носик сморщился так умильно...
До чего ж хороша суббота!
Я вот вырасту, стану сильным
И порву всех за фифу в ботах

ПОЭЗИЯ

Игорь Бурдонов

(МОССАЛИТ, Москва)

Утро.
Небо голубое с проседью.
Белая роса на земле.
Между ними
Летит неподвижно
Иероглиф
Сосны.
И я
н
а
б
л
ю
д
а
ю

и

У
д
и
в
л
я
ю
с
ь
Красоте. Уж слишком она проста.

УТРО НОВОГО ГОДА

Из дома вышел –
 на какой планете я?
 Утро дня
 такое голубое –
 молиться утру
 хочется -
 слов не знаю.
 Деревья –
 все
 поголовно
 уже молятся,
 заломили руки в экстазе
 с лицом
 таким просветленным,
 что его уже и не видно –
 только руки танцуют.
 И даже чья-то могучая дача
 с мансардами для стихов,
 с этажеркой окон
 имеет стены
 наивно розовые.
 Снег,
 на солнце замешенный круто,
 искрится и шипит
 бродит и бодрит –
 наклонись, зачерпни и выпей! –
 прими причастие.
 К лику солнца лицом повернись –
 полнеба света!
 Зажмурься –
 круг пылающий кожей чувствуется.
 Господи!
 На какой планете я?
 себя не знаю!..

ПРЕДНОВОГОДНИЕ ФАНТАЗИИ

В автобусе окна покрыты
 хрустальным узором прозрачного льда.
 Цветные огни, убегая, покажутся вдруг
 необычайными.
 Откроются двери –
 я выйду в цветущий июньский сад.
 Автобус ушедший окажется чем-то случайным.
 Лишь тихо у самого уха гудит
 пропеллер
 позолоченной мушки.

СНЕГ

Снег идет! Земля уже бела.
Шали елей посеребрены.
И дубов прекрасные ветви
в белые проредеты рукава.

* * *

За ночь одну белый иней
сказочный мир сотворил.
Солнечный зверь осторожно
крадется по белым ветвям.

* * *

Розовый снег
и круглые шарики солнца
в радужных кольцах
зимних оконцев
нежно бегущих автобусов.

* * *

Деревья мокрые в снегу,
снегу не белом.
Вдоль улицы окраинной, несмелой
автобусы, автобусы бегут.

* * *

Холодный ветер в лес не проникает,
несется поверху, вершинами качая.
Деревья старые внизу в снегу затихли.
Полна печали зимней до отчаянья
нечаянно изогнутая ветвь.

* * *

Над суетою горки ледяной
Сосна заснеженная спит
К ней детский крик не долетит
К вершине в белых облаках.

* * *

Снег вдоль длинных ветвей
и округлою шапкой на пне.
Словно белая тушь пролилась из кистей,
пробежавших играючи в твердой руке.

* * *

Крылья снежных равнин
по земле распластались.
И ветер холодный тревожит
белый пух.

У ОКНА

Зимнее солнце в стекле
насекомым в узорчатом инее.
Дыханьем согретое
пятнышко света
и линия...

ЖЕНЩИНА У ОКНА

Снега сухого горсть.
Долгий серьезный ветер
Как молча уходит гость!
Как зябко на белом свете!

СКОРО НОВЫЙ ГОД

После слякоти свежий снежок
так приятен! И весел шажок
пешехода.
И метель под фонарями
машет рукавами.
И такси с зеленым огоньком
хрустит снежком.

ЗИМНИЙ ДНЕВНИК

*Горизонталы в лесу бывают удивительно выразительными.
Снизу черные, а сверху – белые.
В одном месте парка ветвь дуба вдоль земли больше, чем ствол в небо.
И кажется, что дерево летит куда-то. Куда?*

Мороз.
К низкому солнцу протянуты длинные ветви.
Спокойный снег на них лежит.
Я терпелив. Я тоже научусь
переживать зимы чужое время.

*Даже в страдании – покой.
Вообще нужно ли ускользать от страданий?
Проживать их в неподвижности?*

*«Я понял сердце того,
Кто раньше жил в этом доме».
Сайгё*

Маленький дом. Пустое крыльцо.
Весь зимний снег – на крыше.
Склонилась ветвь к заснеженной тропе.
Надеюсь, он жив, этот человек!

*Для меня большие сугробы – символы детства.
В них можно вырыть такие пещеры!
А весною стеклянные дворцы, серебряные замки!
Почерневшее благородное серебро! И потоки воды! И звуки!
Это музыка и солнце.*

По обе стороны аллеи
растут сугробы. Неужели
возможно это:
смогу я снова спрятаться за них?!

*В книге о японской классической поэтике
мне понравился постоянный эпитет «вечнокрепкое небо».
Несколько непривычно для нашего слуха,
но в самом деле в этом есть нечто вечно архаичное.*

Замолк на рассвете птичий щебет.
В прозрачном воздухе нет теней.
В горящий зрачок вечнокрепкого неба
Не двигаясь смотрят драконы ветвей.

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

*Последние дни так морозно,
что во время утренней прогулки
стихи «замерзают».
Получаются какие-то маленькие ледышки!*

Безмолвно небо на рассвете.
И солнце красное гудит.
И черный дятел высоко
То стукнет,
То молчит...

* * *

Над домом красное солнце высунулось.
Прокричала ворона. Ухнул мороз...
Объятый инеем лес зазвенел.

Сегодня утром столь яркая красота леса, что кажется неестественной.

Похожи ели на сработанные кисти,
Воткнуты в снег.
И еще влажен мир вокруг.
И запах резок.
И небо пачкается кобальтом,
Как в первый день творения Земли!

*Сейчас уже темнеет перед вечером, и в этот неустойчивый час
утреннее настроение кажется несколько неестественным.
Но нет уверенности, что и эти строки останутся самими собой...*

Сосна, береза, ель и дуб
стояли в ряд под солнцем декабря.
И их вершины в небе синем –
красиво неподвижны,
как на картине
средневековых мастеров.

СНЕГ НА ТРОПЕ

Снег на тропе, словно пыль миров,
 листья покрывшая с давних времен.
 Жизнь моя, словно давняя быль, словно облако снов,
 словно Великий Сон.
 Где же корень моих облаков?

В Пробужденыи Великом
 есть Великая Грусть.
 Я держусь за прошедшее.
 Я учу наизусть
 снег на тропе,
 голый ствол,
 замерзший куст.

БЕЛОЕ ОКНО

– Сегодня выпал снег, и все деревья белы!
 – сказал мне утром сын. Но мы с ним в
 ссоре,
 И порознь смотрим в белое окно.

ЗИМА В ГОРОДЕ

Плоская ночь.
 Я в шкатулке.
 Огоньки разноцветные дивно мерцают.
 Инструменты-дома в переулке
 электронную пьесу играют.

ШЕЛЕСТ СНЕГА

шелест снега
 что сыплет и сыплет
 подобно дождю
 в осеннем лесу
 или подобно ветру
 скользящему в листьях лета
 или подобно чувствам
 радость и горе несущим
 через сердце человека

МАЛИНОВЫЕ ВОСХОДЫ

Какие странные восходы!
 Малиновый запад,
 нежно-желтый восток.
 Небесно-синий день приходит,
 какой бывает перед смертью.
 И солнце заливает мир.

Над малиновым горизонтом
 всплывает синий пар!
 Березовая скань.
 А у осин зимой зеленая кора!
 Мой человек уходит от меня
 в небесно-синий день.

ЯБЛОНИ

Яблони под инеем.
 А рассвет малиновый.
 Там, в ручье, на темном льду
 мостик есть – я перейду
 по скрипящим гулко доскам.
 Небо – будто натирали воском,
 так оно блестит.
 Солнышко над горизонтом
 как свеча горит.

НА ДНЕ ОВРАГА

Даже на дне оврага
 снег едва покрывает землю.
 Здесь ручей подо льдом.
 Поднимаюсь по деревянной лестнице.
 Травы сухие. Ступени скрипят.
 Чтобы не упасть, держусь за перила.
 В мире большом
 нет этой малой прелести!

РАННЕЕ УТРО

Около дома лежало
 большое красное солнце.
 Издалека казалось,
 что оно ненастоящее.
 А это было
 такое яйцо.
 Укрывшись белыми крыльями,
 в нем спал декабрьский день.

МОРОЗНЫЙ ДЕНЬ

Морозный день.
 У собачек мерзнут лапы.
 Оранжевое солнце
 в тумане неба
 сквозь лес проходит с гулом...

НУЖНО ЖИТЬ

Нужно жить, подумал я, войдя
 в открытый дом дубравы зимней.
 Где воздух синий, где солнце на снегу.
 Где я и жить и петь еще могу.

*На окраине Москвы, в Лианозове, около дубовой рощи
 доживает свои последние дни дачный поселок.
 Многие дома уже разрушены. Зима.*

Приятно знать, что здесь еще живут,
 что теплится еще дымок из труб,
 и окна есть – не белы и узорны,
 а в глубине их черной
 кого-то ждут.

СОЛНЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Мороз за двадцать Цветное Небо Витражи
 Деревья Ветви Графика Пейзаж
 полуразрушен Охотничий Домик
 с Каминною Трубой
 за ним вдали как Крепостные Башни
 стоят Дома
 а еще дальше – Солнечный Огонь

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

СНЕГОПАД

Тишина снегопада. Безмолвие снежных полей.
 Видишь заячий след, исчезающий в белом лесу?
 Слышишь черной воды незвучащую речь подо льдом?
 У тебя на запястье растаяли стрелки часов.
 И в кармане моем с календарика сыпятся числа.
 Из каких мы годов, из каких мы пришли городов?
 О, не спрашивай больше – в ответах нет смысла.

ДЕРЕВЬЯ НА СНЕГУ

Так неподвижны деревья на снегу
 Так светел белый воздух неба
 Заходит в дом тот человек,
 что умер
 Художник тычет кистью в голую картину
 Заходит женщина с улыбкой
 И разливает чай мой друг
 И поправляет очки другой
 И расправляет юбки на коленях старуха
 Снова дверь открылась
 Сметают снег с ботинок на крыльце
 Там за окном так неподвижны...
 Стать деревом потом неплохо...

ПАРКОВАЯ СКУЛЬПТУРА

На снежном поле остановлено движение
 мужчин и женщин, воплощённых в камень.
 Живые тоже здесь, стоят и смотрят.
 Друг другу словно говоря:
 Не жалуйся на неостановимость,
 И вечности внезапной не зови.
 Что камень ты – что человек,
 Что седина в висках – что снег.

ЗИМНЕЕ ХОККУ

Зимой умереть,
 Чтобы в разгаре лета
 Падал снег, снег, снег

ПОЭЗИЯ

Надежда Гусева

(МОССАЛИТ, Москва)

НА ОСТРИЕ БОРЬБЫ МИРОВ

Поэма о единстве граней видимого и невидимого и немного о России

Глава седьмая ³

ВСЕ ТЕЧЕТ, ВСЕ ИЗМЕНЯЕТСЯ

«Могли вас потерять!»

А Виктора меж тем
несло быстрее света,
все теми же витками,
только сверху вниз.
В конце концов
он оказался близ
разбросанных
аварией предметов.
Еще не вникнув,
что вернулся с того Света,
– Где это я? – спросил,
едва открыв глаза.

А врач очнувшегося
радостно сказал:
– Вложились
в допустимый срок
и слава Богу!
Вы покидали нас,
но, к счастью, ненадолго.
Теперь, когда все позади,
вам нужно спать.
Вас занесло в аварию
на ледяной дороге.
Могли вас потерять,
да пощадили боги.

³ Окончание. Начало см. в № 3 (21) 2016

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

И Виктор погрузился
в сверхздоровый сон,
с предельно скорым
исцелением пациента.
И даже врач был поражен
таким моментом,
следя, как, перекрыв
границы средней нормы,
все мерки функций жизни,
и по сути, и по форме,
показывали качество
такой благой реформы.

И потому в воскресный день,
как раз на Пасху,
врачи отдали Тане мужа
без опаски.

Ясновидцы-телепаты

Занятно, что, вернувшись
из объятий смерти,
для Тани Виктор
в новом качестве предстал.
К примеру, он легко читал,
не вынимая текстов из конверта.

Я Тане верю, так и вы поверьте.
Она и врать-то
не умела никогда,
и даже если с пользой
или без вреда.

Теперь, владея яснознанием
с ясновидением
и некою ежесекундностью
предвиденья,
муж без труда общался
с Германом телепатически,
как на любом житейском языке
практически.
На службе оба
пропадали дотемна,
и цель совместная
у них была одна.

У Лены с Таней это
не вмещалось в головах.
Не знали женщины,
что все идет как надо.
Сближению мужей
подруги были рады,
заметив увлеченность
общую в делах.

* * *

На самом деле,
лишь на время отрубив
бессмертным душам
в теле память ловко,
их как людей отправили
с Небес в командировку.

Чтоб Герман мог
в земных науках
бойкость проявить,
ему оставили
магическую пруть.

А Виктору устроили
клиническую смерть,
конечно, не затем,
чтоб умереть,
а потому что граждане
и Моуди⁴ читали,
и в самых модных ныне
телешоу наблюдали,
как у воскресших
открывался вдруг талант.
Так, одаренный
воскресением музыкант,
освоив в совершенстве ноты,
снимал с людей печали и заботы.
И даже всяческую боль,
а коль не веришь –
заглянуть в инет изволь.

⁴ Моуди Р. Жизнь после жизни. М., Интерконтат, 1990.

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

И то, что Виктор
стал провидцем, –
так это только
любопытный факт,
замеченный женой
как очевидцем.

Вот Тане утром
муж такой пассаж изрек,
похожий для нее
скорее на урок:
– Представь, что физики
из института Германа
научно доказали первыми,
что в мире все
в движенье динамичном
в единый встроено поток:
любой потянет свой *шнурок*⁵ –
и мир изменится привычно.
Однако эту мысль давно
открыл для мира Будда
как чисто умозрительное чудо.

– Пстой, при чем тут Будда,
он-то знал откуда?

– Он просто догадался,
что исходный Космос
проникает всюду:
он и в любых верхах,
и в глубине –
внутри всего, как и вовне,
в любом из нас, в тебе, во мне.

– Пстой, каких таких
верхах и глубине?
Твои сужденья мне
не очень-то понятны.
Ты можешь объяснить
не торопясь и внятно?

– Об этом знали даже
древние гипербореи⁶.

– Выходит, они были
нас умнее?

– Они магические
навыки имели,
но в наши дни у нас
совсем другие цели.
Здесь, на Земле, дороже
времени нет ничего,
тут и без слов
понятно отчего.
Вот и сейчас нам
долгий разговор не нужен.
Куда важней в дорогу
сытный ужин.

Выезд к месту эксперимента

Прошло всего
каких-то десять дней,
как Лена с Таней
о поездке говорили.
Теперь мужа
подругам сами объявили,
что следует назавтра
быть готовым к ней.

Из института Герман вез
весь цвет специалистов
по экстремальным
состояниям людей,
владевших точностью
прогнозов быстрых.
И штат из делегатов
всевозможных ассамблей,
и упаковки с новшеством
лабораторий
для испытания
гипотетических идей
и форс-мажорных –
непредвиденных историй.

⁵ Имеется в виду «шнурочный» подход физика
Джеффри Чу, утверждающий, что все, во всеобщей
связи, равно друг другу.

⁶ См.: Гиперборейская вера руссов. М., Фаир-Пресс,
1999.

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

А Виктор прибыл
во главе спецов военных,
в науках преуспевших
несомненно.

Отряды, метрах в ста
от Викторова дома,
раскинули палатки
вдоль реки укромно.

Эксперимент касался
неким боком гравитации,
что означало ряд
сложнейших пертурбаций,
но нет резона говорить о них,
не зная дела,
позднее мы увидим сами
этот опыт смелый.

А вот на случай появленья
темных персоналий –
больших умельцев
инфернальных вакханалий,
у Виктора имелся
ценный новый антипод,
способный выжечь магию
творящих зло господ.

Аналог пси-частиц
духовной силы организма,
добытый из энергий
доброты и альтруизма,
способен был при случае
свести на нет
любого злого зелья вред.
И этот чудо-антипод
лекарственный
хранился у военных
в форме капсульной,
чтоб воинам привычно
и без канители
картечью капсул вместо
пуль строчить по целям.

И даже истинные

дьявольские сущности,
владеющие даром
адова могущества,
не смогут уберечь
в плену людские души,
которые, предав богов,
исправно бесам служат.

* * *

А книгу тайную,
что открывалась Тане,
единым тесным кругом
не читали,
в ней Виктору и Герману
с Небес шифровки слали.
И даже молодой
помощник Германа Вадим
не посвящен был
в эти шифры им.

И лишь недавно
ратный Дух Светоний
Виктору открыл,
что он и Герман входят
в авангард мобильных
светлых сил.

Немного поболтав за ужином
с ближайшим кругом
из нескольких спецов,
а также жен и друга,
тандем руководителей
послал всех отдыхать,
решив эксперимент
*назавтра в полдень
начинать.*

Глава восьмая

И СНОВА О ДЕЛАХ ЗАПРЕДЕЛЬНЫХ

Страдания Люцифера

Припомним, как
 мятежный Ангел, сын Зари,
 за дерзкую измену
 был наказан Богом
 и сослан Им
 из лучезарных сфер высоких
 в мир Тьмы, где лишь
 мерцают тускло фонари.

С тех пор мятущийся
 от двойственности
 несовместных сил
 Дух Люцифера
 был безмерно одиноким
 и страшно мучился
 в краях весьма далеких –
 на самом стыке Света с Тьмой,
 в застенках мрачной цитадели,
 служившей пленнику тюрьмой,
 куда его гонцы Рогатого
 упечь успели.

Близ крепости кружило
 мелкой нечисти навалом.
 А вот элита демонов
 без дела не дремала.

Появление Дьявола

Когда однажды Люцифер
 в глубины сна
 на время провалился,
 к магистру магий
 давний план –
 украсть идею Бога –
 вновь явился.
 Чтоб сделать копию с Небес,
 не склонный к креативу бес
 по сути лишь

формальным повтореньем
 Триединства Бога вдохновился.
 И он, собрав умельцев черных рать,
 стал бойко диктовать свое решение:
 «Вначале будем с вами
 Дьявола клепать,
 способного на струнах
 душ людских играть».

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

От адовой приставки «фер»,
 присовокупив парочку химер,
 чтоб получился
 соблазнитель из фантома,
 взяв от ума Люци
 ту мозговую зону,
 в которой хитрость
 возбудить смогли
 потоком импульсов
 с цепей нейронов,
 они фантом
 до блеска довели:
 придав осанке франта
 светскую солидность,
 игривым взорам –
 томную невинность,
 напору слов –
 любезную речистость,
 крутой натуре –
 обаянье шарма
 для сладких рандеву
 бульварных.
 Гормонов
 горячительных
 поддали плоти,
 подкинув терпких
 порновишенок в компоте.

Князь Тьмы

*Так Дьявол появился,
 чтоб бывать среди людей
 и ложью затенять
 загадку Люцифера,
 успешно прокрутив
 злодейскую аферу
 в зеркальном
 пиршестве теней.
 А Люцифера
 объявили Духом,*

неуловимым
 зрением и слухом.

Что ж, Дьявол ликовал
 и демоны с ним тоже,
 снискав и ордена,
 и блеск чинов вельможных.
 Но Дьявол был лишь
 отвлеченной маской
всесильного
в злодействе Сатаны –
 владыки преисподней
 Князя тьмы.
 Теперь и у него
 был свой триумвират,
 идея Бога на бесовский лад.

В огне сожжения

В сетях обманчивых идиллий,
 безумцы черт-те что творили.
 Интриги возросли в цене,
 а искренность порыва
 стала скучной.
 И, в упоении
 речей трескучих,
 правители жгли
 правду на огне.

При частых встречах
 с Дьяволом порочным,
 народ открыл в нем
 радостей источник.
 Безвольные мужья
 в объятиях кокеток
 бездарно прожигали жизнь
 у игровых рулеток.
 А женщины влюблялись
 в грубых кавалеров,
 дотла сгорая
 от любви к неверным.

* * *

Так шли тысячелетия
в истории народов,
в соседстве мира
с Сатаной,
собравшим
пагубный отстой
во мраках теневой
природы.

Теперь о женщине как таковой

Лилит

Однажды с неземною
женской прытью
на Землю выпорхнула
загулявшая в иных мирах
прелестная Лилит.
За архидревностью
былых событий
ее коварный образ
меж людьми почти забыт.

А ведь вина познания
людьми добра и зла – на ней,
ее и соблазнил лукавый Змей.
Но Богу поголовно все,
в непослушании Ему,
и глазом не моргнув,
на Еву указали,
как говорят у нас:
пришли и настучали.

Тогда Творец,
сквозь вспышку
гневного тумана,
не стал вникать в суть
лицемерного обмана
и, не на шутку рассердясь,
Адама с Евою изгнал
из Райского Эдема.
Но все ли знают
тонкости проблемы?

О рокировке жен Адама

Пока Адамом, как всегда,
был сад полит,
успела завершиться
магия с Лилит:
она – один в один подобие
жены Адама,
и в этой схожести
была идея плана.

Ева

А Еву куча магов
погрузила в сон,
и был достаточно
глубоким он.
Бедняжка Ева,
не предвидя драмы,
нарочно разлученная
с Адамом,
проснулась вновь,
конечно, не в Раю.
И о вмененном ей грехе
безотлагательно узнала
в магических наплывах
déjà vu,
обманутая Змеем круто,
легко с обличем Лилит
свой образ спутав.
Вот так в чужой игре,
признав вину свою,
вернулась Ева
под крыло супруга,
найдя в нем все того же
искреннего друга.

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

И логика, и женская природа идут от путаницы рода

Но, может быть,
не всем известно
про факт доньине
крайне интересный
о том, что женский род
пошел с тех пор
двумя ветвями,
по женской сути –
очень даже
разными путями,
как плод той дерзкой
развеселой заварушки:

одни –
к интригам склонные
и жадные в любви резвушки –
от ветреной проматери Лилит,
влекущей пылом плоти,
как магнит;

другие –
продолжают женский род
от вроде бы послушной Евы,
за первородный грех
молясь на образ Девы.
И, женских хитростей
по простоте души не разумея,
они легко идут на зов злодея.
Как правило,
простушки без стыда
влекутся в дьявольские сети,
не ведая о том,
что каждая творит
не меньшее бесстыдство,
чем Лилит.

И так, с тех давних пор
от самых первых дней,
весь слабый женский пол,
кто доброй волей,
а кто чарами обмана,

не отвергает мед дурмана,
попав в ловушку
дьявольских затей.

И потому Адамовы потомки,
едва собравшись без подруг
и оживляя свой досуг,
неверность женскую
отчаянно ругают
и ветреных девиц
исчадьем ада называют.

О связи Дьявола с Лилит

Сам Дьявол на досуге как-то раз,
быв у Лилит в гостях в тот час,
открыл присущую
им родственность натур,
и без бумажных процедур
они супругами с тех пор
друг другу стали.
Когда ж любовники
от страстных игр устали,
то разбежались кто куда
без слез, упреков и печали.

* * *

Теперь, когда Лилит
из странствия вернулась
и снова в чары
женской плоти
окунулась,
Ферт с Дьяволом
ее решили разыграть.
Мгновенно Дьявол
облик стал менять,
а Ферт свою знакомую
ему представил,
согласно давней практике
пикантных правил:
мол, пользуйся
красой девичьей, брат,
ты знаешь, я с тобой
всегда делиться рад.

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

– Ответь,
не ты ли вовлекла
в земную жизнь Адама,
лишив юнца
божественного храма? –
так спор шуточный
начал Дьявол
с привычной
дерзостью лукавой,
стараясь раздражить Лилит,
пылавшей живостью ланит.
– Зачем смиренно пить росу
и мед небесный,
когда лишь пригуби
приличного вина бокал,
и ты узнаешь
сладкий плен восторгов
и упоенье буйства оргий
в лучах магических зеркал.
А он гонялся козлом нагим,
играя с бабочками в салки,
среди ромашек и фиалок,
и дважды в день прилежно
слушал отчий гимн.
Скажи, но разве это муж?

– Ах, твой и Евин муж
объелся райских груш, –
пропел, дурачась, Ферт.

– Зачем вы
потешаетесь над ним?
Он отроду задуман
был таким:
не знал дурного слова,
и не врал,
и кущи райские
с усердием поливал. –
Но тут Лилит
сняла очки от солнца
и в тот же миг
узнала незнакомца:
– Ты не актер,
а я не зритель.

Но ты – все тот же
искуситель!
Зачем ты яблоко
подсунул мне?
А говорил,
что истина в вине.

– Помилуй, детка,
как же это можно?
Зачем познаем
женщин искушать?
Ведь это – что в стогу
иголку отыскать!
Ужели вообще
когда-то кто-то смог
увлечь познаем
легкий ум чудесниц?
Им больше по нутру
игра в чудесниц.
Тебе ли этого не знать?
Ха! Ха! Какая прелесть!
А вот и зори в небе загорелись,
и я готов с тобой потанцевать,
прилично закусить и все такое...
Быть может, ребус
приворотный разгадать,
которым нет числа
на здешнем свете.
Те, за которые,
пожалуй, я один в ответе.

– Ах, друг мой Дьявол,
ты все так же многолик!
И от затейливых
проделок не отвык.

– О полно, милая!
Меня бодрит твой взор,
в тебе полным-полно изюма,
и прелестей природного костюма
не затенит муслиновых воланов флер.

– А ты что скажешь, братец Ферт?
В амурах ты большой эксперт!

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

– Я думаю, Лилит,
 всему свой час,
 ступай-ка лучше
 наперед без нас.
 Там моя пассия
 орудует веселкой,
 а ты болтаешься
 без дела и без толку.
 Да жарьте поросенка
 с травками и гречей.
 Сегодня мы закатим
 знойный вечер.

Закончив
 наставленья, Ферт
 чуть слышно
 пробубнил ей вслед:
 «А мы тут с Дьяволом
 без женской трескотни
 дела людей
 прискорбные обсудим
 в забавной роли
 честных судей,
 на тему их извечной
 западни».

И лицемерно к Дьяволу
 с почтением приник,
 со всеми и во всем
 насмешлив и двулик.

Беседа без купюр

– Бог возмущен тобою,
 темный брат.
 Зачем тебя Он
 судит строго?
 Ведь ты явился
 не от Бога.
 Ты в чистом виде
 порожденье зла.
 А Зло как дрожжи
 для добра,
 без зла не всхожа
 тощая опара.
 И тесто пересохнет

даром
 от нудной лени
 пресного добра.

– Согласен, зло само
 гнездится в людях.
 Рожденный, как всегда,
 все позабудет,
 не в силах круг судьбы объять.
 Бедняга даже мыслей
 не способен прочитав,
 бегущих скрытно
 в голове другого.
 По правде, он и призраков
 не в силах распознать –
 предмет пустяшный
 для кота любого.
 От дней последнего потопа
 умножилась людская злоба
 с повальной слезкой
 за успехом ближних в оба.
 Зачем Бог обошел его,
 а вот тому и этому дал все:
 и ум, и славное житье?
 Ты ж не грехи, тогда
 и вновь страдать не надо.

– Вот, вот!
 Счастливая судьба –
 не Божия награда.
 Нам на руку людская слепота
 и их нелепая дурная маета.
 Они Бог знает что творят
 во имя своих эго-наслаждений,
 а Бог, в их скудном разуменье,
 не может отменить им ад.
 Весьма удобно, верно, брат?

В гостях у Ферта

А вот и вотчина моя –
 вдоль речки мак и конопля.
 Здесь все, что надо,
 под рукой:
 и плод науки под землей,
 и сатанинское поместье

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

чуть подальше,
и зал кривых зеркал
для тонкой фальши.
За лесом мор
холерный развожу,
и вурдалаков
про запас держу
в кустах, на случай
устрашенья,
и полк элитный
для сраженья.

А это деревенька,
двадцать изб, под боком,
чтоб жертв для развлечений
по задворкам не искать.
Зачем край захолустья
«Новосельем» называть?!
Что за народ,
как куры на насесте,
в такую рань ложатся спать?
А вон в одной избе огни, –
заметил Ферт, –
вот в той, что с краю.
Ты погоди,
я на минуточку слетаю.

Толкнулся о сосну
и вороном взлетел,
в окошко заглянул –
и тотчас же обратно.
О землю стукнулся,
и нет хвоста и крыл,
и снова тот, каким и был.

– Я, Дьявол,
знаю эту странную семейку.
Тот, что сегодня здесь, –
когда-то был достойный враг.
Избывший карму, Светлый,
имя Виктор,
ну а теперь не больше,
чем чудака,
а с ним жена,
так, курочка без крыльев,
каких в земной

округе изобилье,
прошла греховный круг
и снова по нулям,
встречая солнце,
бродит по полям.
А парочка в избе
сегодня не одна.
Сидят, как мумии,
о чем-то рассуждают
и даже в карты не играют.
Ну ладно,
после с ними разберемся,
а заодно и посмеемся.

И гордый Ферт
с апломбом Дьявола увлек
в подземный Институт
новейших технологий,
в кабины испытаний строгих,
всегда закрытых на замок.

Психионы безумства

– Здесь, Дьявол,
мы храним бессрочно
живого ужаса источник,
мы откачали
уйму психионов
от уличных бродяг
бездомных.

– Но от каких бомжей,
несущих бред,
ты накачал *живых частиц*
безумства, Ферт?

– Изволь,
я перечислю только
самых задубелых:
от шизиков
с рассудком онемелым,
от алкашей
в парах горячки белой,
от наркоманов
в муках передозов
и от чумной тоски
маньяков одиозных.

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

– Но где же, Ферт,
весь этот жупел грозный?

– Он, друг мой, в легких
герметичных бочках,
вполне надежных
и без лишних заморочек.

– И все ж какой
от психионов прок?
В чем гибельных
идей зарок?

– А в том, что я
сгубить сумею
любого умника
высокий интеллект.

Но мне забавней
массовый эффект.
Достаточно с бочонка
пробку отвинтить,
чтоб диким буйством
всю деревню заразить.

– Не зря я встретился
с тобою, братец Ферт,
мне по нутру такой
кордебалет.

– Ну а игру начнем
в двенадцать пополудни,
успев переварить
горячей ночи блудни.

Глава девятая

НОУ-ХАУ В НОВОСЕЛЬЕ

Весенний авитаминоз

Стоял невыносимо
жаркий майский день,
и знойный воздух
погружал природу в лень.
Травинки полегли
от сонного покоя.
И даже время будто
вязло в перебоях.
Надрывный лягушачий
хор в пруду не квакал.
Не лаяли, вздремнув,
дворовые собаки.
И куры не клевали
среди сора
зерен злаков.

А старый люд,
кряхтя, из хаты
выползал,
и чем занять себя,
не знал.

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

И только
вездесущие мальчишки
носились по околице,
с восторгом хохоча,
и, гикая, рубили
палками с плеча
все, что казалось им
излишком.

Но все равно деревня
словно наяву спала,
забыв про неотложные дела.
Возможно, от нехватки
витаминов,
сразившей человека
и скотину?

Нечто несусветное

Ученые. Шаг первый

И в это время
Герман у ворот забора
дома Виктора,
держа шнуры
грохометра в руках,
внимательно следил
за стрелкою прибора,
готовясь дать для действий
первый взмах.

А Виктор, не приемля
никаких пустых афер,
от важности момента
на мгновенье онемел,
смотря, как запускают
генератор гравитонов,
подобный несуразному
огромному тромбону
с пометкой: от нуля
до сотен тысяч атмосфер...

Еще секунда – и
пространство взорвалось
подобием тысячекратной
канонады.
С домов слетала кровля,
рушились фасады,
носились вопли стариков,
моливших о пощаде
и убежавших кто куда,
не понимая,
отчего пришла беда.
Одни из них грешили
на заблудшую комету,
припомнив вековую
болтовню про это,
другие – на пророчества
библейского Завета
про наступление конца
земного света.

Шаг второй. Кураж бесовской силы злой

И в то же время,
только у других ворот,
в тиши,
без всякого движенья,
из ничего, как наважденье,
возник чертей водоворот.
Вот тут-то и явились
бесы с кучей бочек,
в которых заключался
ужаса источник.
Чертяки, вынув пробки,
разливали свой компот
с наваром ягодок,
напитанных психозом,
внося в тела людей
безумства дозы.

Глава десятая

ЭКСПЕРИМЕНТ

Прорыв в иное

А в ходе грандиозного
 эксперимента
 пространство близ деревни
 и вокруг сворачивалось
 вроде ленты,
 закручиваясь
 к дому Виктора
 как к центру.
 Так начался
 в иные мерности прорыв,
 напоминая остротой
 сюжетов – детектив.

В борьбе двух сил
 гуманный антипод
 был в деле,
 когда с компотом в бочках
 черти подоспели.
 И люди Новоселья,
 что страдали без вины,
 мгновенно были спасены.

Уроки постижения двухмерности

Меж тем
 объемное пространство
 схлопнулось практически,
 реально воплотив
 задуманный итог.
 И вовсе не в абстракциях
 гипотетических,
 хотя немецкий физик⁷
 смелостью идей помог.

Вначале был один хлопок,
 а следом – множество,
 то громче, то чуть тише.

Представь, как бьет
 бумажные стаканы
 ребятня по днющу,
 допив напиток или сок.
 Но в нашем случае –
 сильнее раз в тыщу.

Трехмерный мир,
 сжав высоту,
 двухмерным стал
 и взору сборищем
 плоскатики предстал,
 из коих ни один
 в тот миг поднять не смог
 ни рук, ни головы, ни ног.

⁷ См.: Гельмгольц Г. О происхождении и значении геометрических аксиом. СПб, 1895.

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

К примеру, Таню
будто вагонеткой придавило,
и боль, и страх, и мысль –
все разом отрубило.
Спасибо, что недолгим
был вояж суровый,
забросив ее к дому
в Новоселье снова.

Случайный перелет

Едва она принять
устойчивость успела,
как сразу завибрировало тело.
Очнулась Таня в мире
вовсе неизвестном,
легко паря пушинкой
бестелесной.

Она попала
в удивительную мерность
с собранием всех
мировых искусств,
хранивших
квинтэссенцию тех чувств,
что некогда
великих вдохновляли,
когда они свои
шедевры создавали.
Но здесь
их замыслы сливались
с замыслом Творца,
всех гениальных
творческих идей Отца
и Мастера шедевров
всех эпох,
вносившего в творенье
первый вдох,
водя рукой, резцом,
пером, смычком и кистью
и одаряя тонким слухом,
ясной мыслью
тех, кто принять
порыв Его дыханья смог.

А Таню как нежданную

здесь гостью
в секунду сбросило
на шаткий мостик.

Астрал от слова «астра» – звезда

А дальше ее камнем
вниз тащило,
пока подобье радио,
как некий глас,
с земным прононсом
сообщило:
«Всем приготовиться
для выхода в Астрал».
А тем, кто снизу прибывал
к четвертой этой мерности
и ничего о ней не знал,
сказали
о потере веса пару слов
и измененьях
временных основ,
но ничего
о тех закономерностях,
что без труда могли
куда угодно развернуть
любого путешественника путь.
И оттого-то кое с кем
случились скверности.

Так, с сельским
дурнем Прошкой
вышла жуть:
он стал навек плоскатином,
как круг с узором в садике;
с длиной и шириной, не более,
такая вот печальная история.
А слабодушных,
словно флюгеры, «козлиц»
отрекошетило
в тиски эксперта Ферта,
оставив груды
черных пепелищ
от всех, кто угодил туда
из смертных.

Глава одиннадцатая

НАУКА ПОБЕЖДАТЬ

Бой

Меж тем бойцы Светония
и с ними Виктор с Германом,
в Астрал явившись
из десанта первыми,
вступили с ходу
с темной силой в бой,
уже во всю гремевший
на передовой.

Тем временем полки
святого воинства России
на поле брани
золотую роту пропустили,
под предводительством
Андрея Первозванного,
разящую стеной огня
врага поганого.

А с флангов прорывались
многочисленные звенья
бойцов из разных
войн и поколений:
тут князь Потемкин,
государыней любимый,
отвоевавший для России
земли Крыма;
и маршалов ...12-го
список ёмкий –
Барклай, Раевский, Платов,
Витгенштейн, Багратион,
да свод народных сил,
что не учел Наполеон;
когорты князя Невского
и воины Донского,
за ними славные птенцы
гнезда Петрова,
под гимн во славу Бога
братства Сергия Святого.

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

И верные «сынки»
фельдмаршала Суворова,
на быстрые и дерзкие
победы скорые, –
плод истовой муштры
и тяжких упражнений,
с привычкой в кровь
и в плоть внесенного
терпенья.

Суворов,
одержимый доблестью
науки побеждать,
любил напряги экзерциций
шуткой разряжать:
«Ученый тут один,
а неученых – десять.
Нам мало трех,
давай нам шесть,
давай нам десять
на одного...
мы всех побьем,
повалим и в полон возьмем!..»
Прошу простить за лирику
подобных отступлений,
но армия Суворова
не знала поражений.

Имен российских воинов
вовек не перечесть,
что положили головы
за воинскую честь
в боях жестоких,
тяжких, смертоносных,
с невероятным
жертвенным упорством.

Их зажигал напор
сраженья небывалый,
где аура служила
воину забралом,
питая драйв бойца
огнем энергии Творца,
с мерцаньем рук и ног;
и копий огневых поток,
где каждая рука,

взяв саблю,
меч иль ятаган,
отточенный клинок,
палаш или кинжал,
рубала вечного врага –
хозяев нижнего мирка.

Когда
Георгия Победоносца лик
над полем брани
из-под туч возник,
а следом он с копьем
на белом скакуне промчал,
из жерла ада Сатана восстал
с придворной сворой янычар.

Исход сраженья был решен,
когда сам Михаил Архангел
с Сатаной сразился,
и бой непримиримых сил
победой светлых завершился.

Все потому, что Сатана умел
лишь созданное Богом
рушить
да соблазнять
разнообразными грехами
божьи души,
но сотворить из праха жизнь,
как ни юли, как ни крутись, –
самим предназначеньем зла
как главной целью ремесла –
вожак рогатых был лишен
от незапамятных времен.
И оттого
копировать идеи Бога
«всесильный» Сатана
был осужден.
И в этом Михаил Архангел,
как никто, был искушен.

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

Теперь остатки Тьмы,
исторгнув вой проклятия,
до одури кляня бессмертный
мир Создателя,
за Сатаной и Фертом
скрылись в дальние миры,
чтоб отсидеться до поры,
готовясь в inferнальных
скважинах укромных
для новых планов
мщенья вероломных.

Незабываемые встречи

Гоголь

Любому, кто попал в Астрал,
итог победы шанс давал,
используя необычайно
ёмкое здесь время –
как следствие
законов восхожденья,
увидеть тех, кто тут
посмертно пребывал.

Все дело в том,
что предки, в облике земном,
по обновленным улицам
Москвы и Питера гуляли
и дорогие им места
по зову ностальгии посещали.
И Таня, радуясь удаче редкой,
остановила взор
на двух великих предках.
И побежала Гоголя
к бульвару его имени искать,
чтоб мучивший ее вопрос
писателю задать.

– Пойдите, Николай Васильич! –
выкрикнула Таня,
обдумав, что спросить,
как водится, заранее. –
Зачем герои «Мертвых душ»
сплошь отрицательны
и, кажется, уж только тем

и обаятельны.
В любом дурном поступке
живости полны,
и в плутовстве, и в жадности
забавны и смешны.
А умные и верные,
с душой сознательной,
но вместе с тем –
вот парадокс! –
непривлекательны.
И у других писателей,
пусть даже гениальных,
приличный человек,
как правило, ненатурален
и выглядит занудой
полумертвым,
с моральным кодексом,
до дыр истертым.

Немного поразмыслив,
словно что-то вспоминая,
ответил Гоголь:
– Тут история такая:
я представляю,
что вертлявый черт
нам кучу своих доблестей несет.
Ведь он настолько
прилепился к человеку,
что, становясь своим
от века к веку,
неосвязаемо, невидимо, легко
садится на живца верхом,
и под сурдинку ловко
управляет им,
как верной лошастью
послушной,
с привычным
понуканьем в уши,
и заставляет делать
за дурачеством дурачества,
с невероятной радостью
счастливого ребячества.
И вообще читатель
любит дурака,
считая, что его-то
планка высока.

– Спасибо, я про черта
вашу притчу поняла.
Теперь мне в Петербург,
там тоже есть дела.

Достоевский

И Таня руки посильнее
развела, расслабив тело,
и тотчас, увлеченная
порывом ветра, полетела.
Уже издалека узнав его
по свежим кадрам из кино,
она стремительно неслась
под Невским небосводом
в широтах северной природы.

– Простите, Федр Михалыч, –
задохнулась Таня,
смутившись, как студентка
в ходе испытаний.

– Я вижу, вы торопитесь,
я лишь спрошу.

Мне это важно, –
сказала с тем же пиететом,
но уже на тон отважней. –
Ведь человек порой
и сам себя не знает,
и часто даже зов души
не замечает.

А вы, вот номер:
наизнанку вывернули души –
на раз и два
желанью вашего пера
послушны.

Но романист
лишь поднял воротник повыше,
дивясь на новый дом
с упертой в небо крышей.

А Таня продолжала
про свое бубнить,
не упуская
нудного вопроса нить:
– Вам заменили, я читала,
казнь острогом,
и в связке с каторжанами
гнала дорога.
Я представляю,

что вы испытали,
мне кажется,
всего больней – вначале:
без права хоть на миг
принадлежать себе
в предельно чуждой
вам среде.

Но вы не утонули
вроде духов на воде...

– Ну, ну, оставьте
ваши женские гиперболы.
Да, я видал в лицо
мирской разбойный люд,
различным способом
в свои злодейства
ввергнутый.

В остроге был понятный
только им приют,
свои законы и привычки:
кутеж, подстава,
подкуп и растление,
власть силы
и жестокость унижения,
ночной картеж,
блатная брань и стычки,
и тьмы имен,
сгоревших в обезличке,
все, чем наполнен
«Мертвый дом».

– О повседневной жизни в нем
вы нам оставили «Записки»,
мне эти откровенья –
как надгробья обелисков,
хранящих память под былъем.

Его глаза насквозь
пронзили Таню,
как будто заглянув
в ее сознание.

– Пускай, кому охота,
сами прочитают.
А нас, сударыня,
минуты подпирают.

Его, как некогда,
в игорный дом влекло,
где яркой вывеской
сверкало «Казино».
Он поспешил туда опять
помериться с судьбой,
поддав страстей
фантазии живой.

А Таня все стояла
соляным столбом,
поняв, как со всей дури
билась в стену лбом, –
узнать у гениев
рецепт фантазий ожидая,
пока, как до жирафа,
до нее дошло,
что они оба своей кухни
творчества не знают,
а только едят то,
что им на ум пришло.

Про параллельное
собрание бойцов
в Астрале
в очередной главе
есть описание
в деталях.

Продолжение следует

НОВОГОДНЕЕ-РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Светлана Сударикова
(МОССАЛИТ, Москва)

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ КАЛЕНДАРИ

Не секрет, что ожидание праздника значительно приятнее, чем сам праздник. Ожидание Рождества растягивается в Европе на целый месяц. Это удивительное сказочное время называется Адвент (*Advent*). В этот период на площадях и рынках открываются рождественские рынки, где можно купить праздничные подарки и сувениры, выпить чашку горячего пунша или глинтвейна, а ребятам покататься на каруселях, встретиться со святым Николаем и получить от него подарки, а за плохое поведение – нагоняй. В этот период украшают дом, ставят рождественскую ель, а каждое воскресенье на рождественском венке зажигают по одной свече. И только в рождественский вечер будут гореть все четыре свечи.

Одним из атрибутов Адвента является рождественский календарь, который показывает, сколько времени остается до Рождества.

Появление рождественских календарей относят к XIX веку. Создается он по церковному календарю, и тогда охватывает весь период Адвента – с первого воскресения Адвента, которое выпадает на последнее воскресенье ноября, до Рождества или даже праздника Трех Королей.

Но чаще рождественский календарь создается на основе гражданского календаря на период с 1 по 25 декабря. Он может быть самых разных форм: в виде коробки конфет с двадцатью четырьмя ячейками, каждая из которых открывается по мере наступления определенной даты; мешочка с двадцатью четырьмя кармашками; просто кусочка ткани все с теми же двадцатью четырьмя емкостями; в виде свечи, как принято в Скандинавских странах; рождественских часов...

Каждый день начиная с 1 декабря открывается кармашек, в котором может быть конфетка, или записка с пожеланием, или маленький подарочек, или сгорает на одно деление свечка, или переводятся стрелки часов. И так ожидание праздника становится еще радостней и волшебней.

Зародился этот обычай в лютеранских семьях. Первый самодельный рождественский календарь относят к 1851 году. На стену постепенно, с 1 декабря до Рождества, вывешивали картинки с рождественскими мотивами. Или на стене рисовали мелом двадцать четыре палочки, и дети каждый день стирали одну. Еще перед рождественским вертепом клали каждый день по одной соломинке – вплоть до Рождества.

Томас Манн в романе «Будденброки» пишет об этом так: «Вот при каких обстоятельствах на сей раз наступало рождество. Маленький Иоганн с помощью отрывного календаря,

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

склеенного Идой, на последнем листке которого была нарисована елка, с бьющимся сердцем следил за приближением счастливой поры».

В 1902 году в евангелическом книжном магазине Фридриха Трюмплера в Гамбурге появился первый напечатанный календарь в форме рождественских часов с цифрами от 13 до 24. А с 1922 года появились рождественские часы уже с 24 полями. В 1903 мюнхенское издательство Герхарда Ланга представило напечатанный календарь с названием «В стране младенца Христа». Он состоял из двадцати четырех картинок для вырезания и наклеивания, и каждый день ребенок вырезал картинку с одного листа и приклеивал на специальное поле на другом. В 1904 году газета «Штутгартер нойен тагблатт» приложила рождественский календарь к своему номеру.

Вплоть до 30-х годов издательство «Райхальд и Ланг» считалась мастерской, выпускающей наиболее красочные и красивые рождественские календари. А однажды у Герхарда Ланга появилась идея воплотить в жизнь свои детские ожидания Рождества. Когда он был маленьким мальчиком, мама клала ему каждый день в рождественское время в специальные коробочки маленькие печенюца. Так появились рождественские календари с окошечками, за которыми прятались шоколадки. В 20-е годы широкое распространение получили отрывные рождественские календари, именно такие, как сделала Ида маленькому Иоганну.

Национал-социализм внес в рождественские календари соответствующие изменения. В отделе культуры пропаганды НСДАП был издан календарь с названием «Перед Рождеством», который содержал пропагандистские истории и песни национал-социалистов, а также специфическую выпечку. К нему прилагалось руководство для самостоятельного изготовления календаря в форме рун и солнечных колес. А в 1942 году календари получили и вовсе военное содержание с отображением ситуации на фронте, лишившись какой бы то ни было христианской тематики.

После войны рождественские календари вновь вернулись в обиход жителей христианской Европы. Начиная с 50-х годов их полюбили все, и постепенно рождественский календарь стал продуктом массового производства. Календари стали выпускаться в промышленных масштабах и продаваться повсеместно, причем далеко за пределами Европы. Лейтмотивом стали занесенные снегом домики с окошками, в последнем окошечке, как правило, была картинка с рождественским вертепом. К оформлению рождественских календарей подключились известные художники, что сделало их особенно популярными.

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

Сейчас за двадцатью четырьмя дверками скрываются как картинки, так и сладости и игрушки. Первый наполненный шоколадом календарь появился в продаже в 1958 году.

В 2012 году в шоколадках, входящих в рождественские календари, были обнаружены вредные минеральные масла, однако опасность употребления таких сладостей была признана незначительной, поскольку одна крохотная сладость в день не может причинить большого вреда здоровью. Тем не менее следить за качеством продолжали, и в 2016 году все проверенные продукты прошли контроль достойно.

С недавнего времени все более популярными становятся виртуальные календари. Каждый день открывается новая страничка, в которой рассказываются рождественские истории и звучат рождественские песни. В магазинах можно приобрести и аудиокалендари с двадцатью четырьмя историями и рождественскими песнями, которые слушают с 1 декабря до Рождественского вечера.

В различных частях Австрии, Германии и Швейцарии существует традиция «живых» календарей. В одном из домов празднично украшается окошко, это является сигналом, что в этом доме в этот день соберутся люди, которые будут петь рождественские песни, рассказывать рождественские истории, есть праздничную выпечку и пить глинтвейн. На следующий день такое окно появляется в другом доме. И так вплоть до Рождественского вечера.

В современных европейских городах в качестве календарей широко используются фасады домов. Например, в Вене под такой календарь оформляется ратуша. А самый большой в мире отдельно стоящий рождественский календарь площадью 875 квадратных метров находится в Лейпциге, его открывающиеся каждый день дверки имеют размер 3х2 метра.

ПРОЗА

Валерий Старовойтов

(Томск)

НОВОГОДНЯЯ РАПСОДИЯ

Мороз был несильный, так себе морозец. Пощипывая носы и уши, по-моему, он просто бодрил. На трамвайной остановке несколько пенсионеров прятали кислые физиономии в цигейковые воротники пальто, да молодые девчата согревались, весело пританцовывая в стиле хип-хоп.

На циркуляции по кольцевой старый трамвай особенно заскрежетал, потом натужился прицепом брата-близнеца, наконец оба радостно взвизгнули, вырвавшись на свободу, и с грохотом покатались дальше. Рассвет смешался с грязью взгорбленных сугробов рабочего поселка и неотвратимо просился в большое заляпанное окно лязгающего трамвая.

Спешить мне было некуда, потому что завтра Новый год. Устраивать по этому поводу товарно-денежную истерию не мог. Во-первых, денег всего пятьсот рублей – не нашоппингуешься. Во-вторых, родился в Новый год, прямо сказать: божий прикол – появиться на свет первого января!

Тащиться в другой конец города подвинул звонок бывшего командира. Он спас мне жизнь, когда в горящем отсеке подводной лодки делил маску индивидуально-спасательного снаряжения с простым матросом, потерявшим сознание.

По возвращении с флота я быстро сел на восемь годков за оказание вооруженного сопротивления сотрудникам правоохранительных органов, хотя никого из того ствола даже не царапнул. «Все пропьем, а флот не опозорим!» – так и догулялся. Теперь командир – военный пенсионер, штатский гражданин России, с тремя звездами на погонах и орденом Ильича на парадной тужурке, никому не нужный, кроме меня. Да, судьба уравнила нас в правах на счастье в новой России!

Беспольный человек в китайском пуховике навис и простуженным голосом рявкнул:

– Билет или как?

– Лучше билет!

Сугробы поехали. Я закрыл глаза. В лабиринтах мозга поплыли картины моей несвободы. Одна радужная под «Прощание славянки» на пирсе у подводного крейсера, остальные серые, как зона с ее бараками и поселением на острове Вайгач.

Занятое это место, остров Вайгач, расположенный между двумя землями – Новой и «старой». Давнее место каторжан. Берега пологие, изрезаны бухточками, бурлящими от тюленей. Громко свистнешь, и из воды тот час появится симпатичная мордашка. Кругом, густо поросшая затейливыми узорами мелких кустов, лежит тундра, на первый взгляд безжизненное пространство, покрытое холмами с блюдцами озер между ними. Стоит побродить среди кустов, и убедишься – рановато про отсутствие жизни думалось. Кипит она на Вайгаче, живности полно, одна только полярная сова чего стоит. Сидит себе на мшистом валуне белым изваянием и глазищами – луп-луп, а увидит грызуна, взмахнет крыльями, и вот он уже в когтистых лапах. А то, брат! Шустрее надо быть по жизни...

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

Далеко в море айсберги, а на них пыль от метеоритов, старые бродяги говорили: «Тут небо в алмазах, а те самые метеориты сплошь покрыты брюликами! Сиди и жди, когда на голову упадут, и не надо гопником быть!» Ухмылялись беззубыми ртами, я верил. Верил, да, верил! И уходил в воскресенье далеко в тундру к ненецким капищам – искать, благо по острову можно было перемещаться без конвоя.

Капища расположены в основном во внутренней части острова и приурочены к скальным выходам на возвышающихся в тундре грядках. На некоторых святилищах еще сохранились идолы или их остатки. Вокруг идолов встречаются следы жертвоприношений. Мне повезло. Там я нашел старинные бусы и кисет, полный золотых самородков. Через две недели после волшебной находки я сбежал в трюме, заваленном рыбой под самый подволоку. Цена вопроса – два приличных самородка из коллекции шкиперу и бусы вахтенному на трапе.

В Архангельске, сбавив еще три самородка, получил паспорт гражданина России под другой фамилией, но день своего рождения и родное имя оставил – как связь с прошлым. С фотографии смотрел «похожий» на меня с чуть развернутым ртом. «Инсульт, мать его!» – вот такую легенду и впарил мне подпольный доктор на остатки «зелени» из той коллекции. Потом махал метлой в Питере и Москве, пас скот в Башкирии, разгружал вагоны с фруктами на Урале. В результате дорога до дома растянулась на три года. Командир, главное, поверил про болезнь.

Трамвай противно завизжал; пассажиры, следуя принципу домино, начали валиться; клацнула арестантским запором дверь вагоновожатой, и оттуда понесся великий и могучий русский язык, по качеству исполнения не хуже, чем у моих бывших сокамерников: «Напокупают права, водилы гребенные, не соображая, что трамвай на дороге – главный, ... твою, под колеса на своей кляче, япона-мать!»

В моих объятьях оказалось очаровательное создание с чернобуркой на плечах. В облаке хорошего парфюма донесся и запах перегара. Она подняла на меня удивительные по красоте глаза, слегка подернутые алкогольным дурманом, и сделала несколько усталых жестов руками глухонемого человека. Я уступил место. Пассажиры начали покидать вагон, кто с матюгами или бормоча извинения перед другими, а кто молча, отряхивая полы пальто и шуб. Скоро трамвай опустел. Моя попутчица, спрятав личико в чернобурку, кажется, спала. Я слегка тронул ее за рукав, но она точно уснула! Потоптавшись, я присел рядом. Бросить пьяную женщину, да еще страдающую таким недугом, конечно, и запросто, но она ведь не бомжиха, да и красива чертовски! А что делать? Встал и попросил вагоновожатую закрыть дверь, чтобы не дуло.

– Мужик, стоять долго придется.

– Ну да. Гаишники у нас народ скорый до поборов, но ленивый до разборов.

– Точно! А чего это твоя спит, умаялась шопинговать?

Закурили.

– Да нет, просто она раньше проводником на поездах дальнего следования работала, вот и засыпает только под стук колес.

– Веселый ты мужик, бабы любят таких. У француженок опрос проводили, какие им мужчины нравятся, так большинство ответили, что с юмором. Вон тачка подъехала справа, давай проводницу свою забирай, а то через час по новогоднему тарифу начнут драть. Эй, коллега на четвероногом друге, молодоженов заведи от меня!

Молнией летели на такси с моей таинственной незнакомкой по городу, принаряженному в ледяные разноцветные одежды сказочных персонажей. Я не понимал ее, и она знала про сей печальный факт. Когда тачка начала прижиматься к обочине, просто дотронулся до шикарного воротника чернобурки, а потом прикоснулся к своей груди и задержал руку. Улыбнулась и кивнула в знак согласия и сделала несколько быстрых жестов. Я недоуменно развел руками.

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

– Она говорит, что ты хороший человек и не похож на бандита, поэтому согласна. – Таксист перевел язык жестов. – Не парься, старик, зуб даю, что не вру. У меня мать глухонемая.

Он сделал тоже несколько ответных взмахов руками, усердно помогая мимикой и губами. Девушка радостно закивала, и тут же ее длинные ухоженные пальца начали выписывать в воздухе неведомые мне буквы.

– Она говорит, что ей некуда идти, кроме вокзала. Она приезжая. Так получилось. Просит к полуночи приехать сюда и отвезти ее к ночному поезду до Омска и спрашивает тебя: «Проводишь до такси?»

Столько было искренности и радости, доверчивости и покорности в этих изумительных глазах, что я сказал:

– Переведи. Да нет проблем, дом напротив, номер пять, второй подъезд, квартира 52. А живет там мой командир. Вот мой паспорт, бери, так спокойнее будет ей, и тебе гарантия, что не кину. – Я протянул коричневую книжицу, вложив в нее деньги по новогоднему тарифу.

Дверь открыл капитан первого ранга Федорчук Александр Александрович. Вид у него был, я вам доложу: потертые джинсы, заправленные в высокие шерстяные носки с красными лоскутами заплат, под стать штанам такой же ветхий свитер, на шее заляпанное маслом полотенце. Из небольшой кухни в длинный коридор тянуло запахом вкуснятины. Сан Саныч недавний холостяк. Жена и дочь оставили его, как только закончилась служба, а с ней и деньги, невесть какие, по нынешним меркам, но все же! Да и хата побольше в Краснодаре досталась от тетки, махнувшей замуж в Канаду. Командир же обосновался в Томске, потому что здесь могила матери. Похоронили, когда мы наматывали мили на лаг у берегов острова Маврикий, что недалеко от жаркой Африки.

Неожиданная гостья окончательно пришла в себя и, скинув свою чернобурку мне на руки, улыбнувшись Санычу, как старому приятелю, уверенно шагнула в проем кухни.

– Она кто?

– Снегурка, командир! – Женщина была красива, вне всякого сомнения: высокая и стройная, изящная и грациозная.

– А ты, значит, Дед Мороз, и в подарок нам принес...

Я достал из кармана фляжку.

– Шило?!

– Оно самое, спиртыга медицинский! Калым, так сказать: одной аптекарше мойку устанавливал.

– Ай да молодца, ценю и объявляю благодарность! – Сан Саныч обнял меня. Пока курили на балконе, вдыхая с «Явой» морозный воздух, я и рассказал вкратце о дорожном приключении.

С появлением незнакомки командирская берлога засияла, потолки стали выше, комнаты больше, выцветшие обои от милой улыбки ярче, а с блеском шелковистых волос мог соперничать только старинный барометр, бронзовый корпус которого был надраен Санычем до корабельного шика и лоска.

Про старые традиции вообще молчу. Командир полагал, что будет чудодействовать на кухне, громогласно вопрошая меня, наряжающего в комнате елку: «Старик, может мне податься снова на флот в качестве кока? В торговый еще смогу – там до пятидесяти, а мне только сорок девять; ты попробуй, какая гадость мой заливной судак! Чего притих, поддаешь втихаря?!»

Но, увы, все это в прошлом, а сегодня под парами доходил рыбный пирог, фрукты вымыты и выложены в вазы, курица дожарена, селедочка нарезана умелой рукой и сдобрена перчиком и лучком. И все Она!

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

Всего в течение двух часов гостим у Саныча, а такое впечатление, что мы здесь всю жизнь. Я попытался пошутить про идеальную жену, которая готовится к Новому году молча, на что командир серьезно пригрозил: «Еще одна такая шутка по поводу ее недуга, и ты, Лёнчик, окажешься в ближайшем сугробе – благо лететь всего три этажа!»

Мне еще на подводной лодке доводилось видеть, как он приводит в исполнение сказанное таким голосом. Осталось пожать плечами и, подавая в очередной раз не ту новогоднюю игрушку, под ее веселую улыбку и наклон головы, означающий: «Конечно нет», взять ручку и написать на листке: «Красный шар?» Она радостно закивала и написала: «Как мы раньше не догадались проскочить другое измерение, разделяющее нас!»

Показал записку Санычу. Он долго всматривался в листок, даже очки надел, а потом сел на диван и начал писать своим каллиграфическим почерком.

Если глаза – зеркало души, то это про нее. Если почерк – зеркало характера, то это про него. Не знаю, что он там писал, потому что писал быстро и очень нервничал – раза два рвал записку. Я помалкивал, но чувствовал, что наша гостья взволнована. Прочитав, улыбнулась и написала в ответ: «Дорогие мои мужчины, я благодарна вам, что приютили бедную женщину. Так получилось, что я приехала в гости из Омска к своей подруге по интернату. В дороге ничего не ела и быстро захмелела. Это не понравилось ее маме, страдающей таким же недугом, и мне пришлось уйти. Глухонемые очень нервные люди, простите, но это так. Я работаю теперь учителем литературы в том же интернате. Зовут Екатерина Александровна, можно просто Катя!» Она протянула руку. Саныч галантно поцеловал, а я просто пожал нежное запястье.

Проводив старый год, я захмелел на старые дрожжи и теперь, слушая президента, расставлял приоритеты и для себя. Год прошел после Москвы тихо и незаметно: работал сантехником в частном предприятии, был «передовиком капиталистического труда» – благо навыки трюмного на подводной лодке не успел забыть. Только вот или одиночество, или страх за двойную жизнь, или то и другое вместе иногда швыряли в запой, обычно после дня ВМФ, но для этого проклятия отгулов всегда было тьма...

Командир и Катя обменивались записками и были увлечены настолько, что забыли на время про самый желанный праздник. Их отвлек мой неудачный выстрел в потолок и пена шампанского, хлынувшая в оливье. Они разом вскочили и протянули хрустальные бокалы под остатки вина.

Изящным жестом Катя написала нам в воздухе: «С Новым годом!» И он ворвался в комнату гимном, падающими разноцветными звездами петард, криками «ура!» за стенами, улюлюканьем автомобильных сигнализаций во дворе.

Капитан первого ранга в парадной тужурке пригласил женщину в строгом темно-синем платье на танец, выключив звук телевизора. Я понял Саныча, Катя тоже поняла и с благодарностью сжала крепкое плечо. Он нежно держал ее за тонкую талию и перемещался плавно, увлекая партнершу, как заправский кавалер. Музыка не было, соседи снизу и те притихли со своим хеви-метал. Я, выдавший виды зек, готов был прослезиться, глядя на пару, танцующую в тишине. В Екатерине Александровне было столько божественной грации, а в командире столько рыцарского благородства, что казалось, они слышат волшебную музыку иного измерения, про которое она давеча написала. Очередной поворот, и искринки платья сливаются с золотом погон. На фоне новогодней елки и нарядных пар на экране телевизора это было действительно праздничное и чарующее зрелище. Сделав последнее па, командир крутанул ручку телика. И, боже праведный, оно совпало с последней нотой аргентинского танго!

Помогал Сан Санычу переоборудовать детскую комнату, так и не обустроенную дочерью, в рабочий кабинет. Теперь, с книжными стеллажами под стеклом, кожаным креслом и таким

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

же диваном, компьютером и телефоном на шикарном письменном столе, выполненном в стиле ретро, он стал еще и комнатой для гостей.

Снилась в тумане гладь бухты Дыроватой, что на севере священного острова. Мой путь к нелегкой свободе в заваленном рыбой трюме. На воде покачивалась перевернутая лодка и плавала фуфайка с нагрудным номером зэка Брагина. Снился Сталин у кремлевской новогодней елки, отдающий распоряжения президенту, одетому в костюм зайца: «Считаю необходимым заметить, товарищ, что Россия, особенно ее Север с неосвоенными медными рудниками, нуждается в рабочих руках, таких, как у Леонида Брагина!» Мать честная, это же про меня! Но картинка уплыла, и приснилась Катя, танцующая в тишине...

Требовательная трель дверного звонка оборвала красивый сон. Сан Саныч не подавал признаков обитания в своей собственной квартире. Пришлось подниматься. В честь дня моего рождения Мороз Красный Нос нарисовал на оконном стекле лохматую ветку, сквозь которую солнечное утро заглядывало в кабинет. Проходя мимо спальни Сан Саныча, я увидел через слегка приоткрытую дверь волосатую руку, накрывающую бретельку ее тонкой ночной рубашки.

В подъезде гулял вайгачинский норд-ост, играя на полу обрывками газет вперемежку с мандариновыми лохмотьями и рыбьей чешуей. Видимо, дверной доводчик окончательно сломали этой дивной ночью. Я хотел было захлопнуть входную дверь, но неожиданно из-за нее появилась норковая шуба в маске поддатого спаниеля с вывалившимся на бок языком. Рядом стоял таксист, протягивая мой паспорт. Сквозь прорези маски меня некоторое время изучала пара веселых глаз. Картина со стороны, я думаю, типично посленовогодняя: слегка опухшая и слегка изуродованная физиономия, нанизанная на крепкую шею, рассматривает подгулявшую, судя по шубе, суку. Точно, не ошибся: маска съезжает вверх и появляется женское личико.

– Простите, ради бога, а Федорчук Александр Александрович разве съехал с этого адреса? – незнакомка откидывает со лба рыжую челку и буравчиками маленьких умных глаз дырявит меня насквозь. Я молча смотрю на девушку, похожую на взъерошенного воробья. – Вы не похожи на статую Ришелье, Деда Мороза и прислугу, так кто вы и где Александр Александрович, до недавних пор хозяин этой квартиры?!

– Прощаю, девушка, но по существу вопроса отвечу после того, как узнаю, кто вы. Может быть, вы киллер! – Я сделал страшное лицо. Она рассмеялась и закричала на весь подъезд:

– Нет, киллер живет этажом выше! Папка!

За моей спиной стоял заспанный Сан Саныч. Пожав на прощание руку знакомому водиле, я пропустил вперед командира, на шее которого повисла долгожданная дочка.

На плите гудел чайник. За кухонным столом в окружении закусок и бутылок сидела некрасивая девушка, улетающая все подряд и при этом успевающая тараторить без умолку. Счастливый командир сидел неподвижно, словно аршин проглотил, и слушал, вникал и слушал. Я стоял, прислонившись к косяку, и думал: «Брагин, мир устроен просто. Стоит сделать хорошего человека счастливым на мгновение или дать возможность стать таким в будущем, как к нему, словно магнитом, притягиваются частицы другого счастья и, приложив усилия, такой человек становится еще счастливее. Но это для хорошего человека, Лёнчик, а для беглого каторжника счастье – прожить еще день на свободе».

Стало грустно, налил себе и Санычу по стопарю. Он вздрогнул и тихо сказал:

– Вика, это мой друг Лёня. У него сегодня день рождения.

Девушка бросилась из-за стола, чуть не опрокинув его. Чмокнула меня в щеку и пожелала в будущем так же преданно охранять отца.

– Папа, Леонид, вы когда-нибудь встречали Новый год в аэропорту?! Обалдеть, веселуха, класс! Наш рейс утром 31 декабря должен был вылетать из Новосибирска в Краснодар.

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

Авиакомпания «Сибирь», как всегда, заму... Ой, простите! В общем, новогодняя ночь в Толмачеве. Здесь они молодцы, их менеджер устроил нам тако-о-ой вечер в ресторане, а для пожилых – в гостинице, представляете?! Все потрясно! Теперь буду всегда летать только «Сибирью!»

– Вика, а что ты делала в Новосибирске? Прости, но я так мало знаю, а ты редко звонишь.

– Сан Саныч виновато замялся. – И надолго к нам в Томск?

– В Новосибе проходил международный конгресс журналистов. В Томске я на два часа – любимая авиакомпания после часа полета решила, наверное, попраздновать и в вашем городе. Я на такси – и к тебе. Подарок в коридоре на полке. Боже, кто так вкусно готовил, скоро съем свои пальцы! Неужели Леонид?! – Она подняла глазки, которые на миг сделались большими, словно я превращаюсь в Деда Мороза. В дверном проеме из-за моего плеча показалась Катя.

– Папка? Ты... – Вика поперхнулась и начала кашлять. – Гм, простите!

Саныч совсем потерялся, вскочил, похлопал дочь по спине, сел, потом поднялся из-за стола и, отодвинув меня, словно вешало, протянул обе руки Екатерине. Она вошла в кухню. Свежая и красивая, как сегодняшнее утро, и в легком полупоклоне наклонила голову.

– Вика, это моя Екатерина Александровна!

Под столом сотовый телефон сыграл «*Yellow Submarine*». Тонкая рука взметнулась к золотому кольцу в ухе, и веселый голосок вспорхнул в затянувшейся тишине:

– Мамочка, не волнуйся я у отца. Да так! Приеду – расскажу! Что делаю? Ем, знаешь, как вкусно! Это приготовила Екатерина Александровна, она вообще потрясающая женщина. Отец? А что отец, по всей видимости, он молодец! И тебя тоже целую.

– Ну, мне пора! Спасибо и с Новым годом, с новым счастьем! – Вика поцеловала в щеку Екатерину Александровну, потом отца. – А с Леонидом мы будем целоваться в аэропорту, проводите меня?!

Морозило. Удивительно, но у дома стояла знакомая машина.

– Привет брателло, с Новым годом! Диспетчер назвал адрес, я так и подумал, что ты про паспорт забыл. С такой женщиной... Опа-на, быстро ты их меняешь!

– С Новым годом, уважаемый, – Вика с силой хлопнула дверью. – Колись, спортсмен, с какой скоростью женщин меняешь? – И тихонько двинула локтем в бок.

– Не так скоро, как бегаю, Виктория Александровна! В аэропорт, шеф, с ветерком!

Одиноким лайнером авиакомпании «Сибирь» Соловьев-разбойником свистел на всю замороженную округу, когда мы подлетели на такси к зданию аэровокзала. Поток пассажиров иссяк, у регистрационной стойки топталась молодежь с пивом в руках, да пьяный мужик по десятому разу выворачивал карманы перед неприступной, как скала, дежурной в униформе сотрудника воздушных авиалиний.

– Лёня, вы такой сильный. Я, когда увидела вас утром, простите, в неглиже, то правда подумала, что вы профессиональный спортсмен...

– Это правда, я бегаю на длинные дистанции.

– Ну а если серьезно? – она крутила пуговицу моей дубленки, видимо, собираясь взять на память. Сейчас ее глаза в своей мечтательной задумчивости были даже очень ничего.

– Я рабочий!

– Можно я буду твоей колхозницей и напишу?! – Стремительно выхватила из сумочки блокнот и приготовилась записывать.

Вот что значит репортерская хватка, подумал я и невольно сжал ее руку.

– Вика, я не местный. Мой дом на острове Вайгач! – Стало легко, словно я проскочил иное измерение, ведь столько лет на это слово было наложено табу. – Давай лучше свой адрес в Краснодаре. Приеду обязательно, пора начинать новую жизнь!

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

Она сунула визитку, внимательно посмотрела на мою серьезную рожу, поцеловала в губы и засемила в своей роскошной шубе к стойке, где молодежь приветливо махала ей рукой.

Я стоял посредине огромного пустого аэровокзала и слушал в себе музыку, которую слышат зимой все влюбленные, но еще не знающие про это. Я уверен, что такую же музыку слышала в новогоднюю ночь наша с Санычем необычная гостья. Да и он сам. Эта музыка называется «Новогодняя рапсодия».

Алёна Лебедева. Петухи. Акварель, 2016 г.

ПРОЗА

Юрий Никитин

(Москва)

СОЛНЕЧНЫЙ МАЛЬЧИК

Дима Крупин повернул голову набок, но ослепляющему белому свету все-таки удалось вытянуть его из крепкого сна. Проснувшись, мальчик уселся на кровати, потер заспанное лицо. Прищурившись, он взглянул на электронные часы: не было еще девяти.

– Просыпайся, соня, – улыбнулась мама, расшторивая окна и присаживаясь на кровать рядом. Светлые, слегка потускневшие волосы были старательно завязаны в пучок. Она тепло поцеловала его в лоб, взъерошила волосы:

– Поздравляю, Димочка.

Дима с благодарностью прижался к маме. Даже не верится, что сегодня ему пятнадцать лет, а через несколько дней – Новый год. Казалось, совсем недавно они сидели с папой возле наряженной елки, прямо посреди осыпавшихся иголок, собирали железную дорогу, подаренную на восьми- или девятилетие. Он до сих пор отчетливо помнил красные пластмассовые вагончики, их прокручивающиеся колеса и детали шпал, которые со щелчком соединялись между собой. Где эта дорога сейчас, Дима понятия не имел (как и то, куда подевалось большинство его детских игрушек), но в памяти она отложилась.

Однако теперь все детские забавы в прошлом. Сегодня он по-настоящему стал ответственным, готовым к взрослой жизни мужчиной. Эта мысль внутренне подтянула его, собрала в груди ком силы.

– Мой мальчик совсем вырос. А я ведь и не успела насладиться материнской опекой, – она погладила сына по спине, незаметно утерев глаза о плечо его футболки. – Ох, совсем уже: такой день – и плачу.

Дверь в комнату открылась, и зашел папа с загадочным блестящим пакетом в руках. Лицо его сияло от эмоций, густая полуседая борода скрывала хитрую улыбку.

– К вам можно? Ага, Дмитрий Александрович изволили проснуться.

Дима рывком поднялся навстречу отцу (мама всплеснула руками: «Саш, он тебя по росту перегнал»), и тот торжественно пожал ему руку. Прижавшись к плечу мужа, женщина не сводила с сына слегка припухших, но полных радости глаз.

– Это праздничный день не только для тебя, но и для нас, – начал речь папа. – Мы гордимся, что вырастили такого замечательного сына, нам нисколько не стыдно за тебя, наоборот, каждый раз ставим нашего дорогого Дмитрия в пример другим, менее ответственным родителям. Знай, Дима, мы тебя очень любим и будем поддерживать всю нашу с мамой оставшуюся жизнь. Ты...

– Моя кровинушка, – мама уткнулась лицом в клетчатую рубашку папы. Тот, с теплотой обняв жену, начал успокаивающе покачивать ее в объятиях.

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

– Ну вот, Маш, сбила. О чем это я? Ах да. Ты знаешь, если у тебя какие-то трудности (а по жизни их будет ой как не мало), то можешь спокойно, не раздумывая обращаться к нам. Мы решим проблемы вместе, как единая семья. Поздравляю, Дима, горжусь, что ты мой сын.

Папа протянул сыну пакет. Дима крепко обнял отца, чмокнул в щеку мать и только потом принялся неторопливо открывать завернутый в сверкающую бумагу прямоугольный сверток. Подарком оказался дорогой зеркальный фотоаппарат. Дрожа от волнения, Дима принялся изучать его, внимательно рассматривать, все еще не веря своим глазам. Он открутил спереди крышку. Черный глаз объектива с любопытством глядел на нового хозяина, линза дружески подмигнула отскочившим бликом.

– Нравится? Смотри, Маш, доволен. Ну слава богу, что надо купили. Но это еще и на Новый год, ты учти. Вот, теперь занимайся, сынок.

Папа потрепал замороженного Диму по плечу, после чего родители вышли из комнаты.

Его пальцы провели по гладкому, кристально чистому дисплею, ощутив приятную прохладу. Кнопки нажимались плавно и комфортно, Дима надавил на одну из них ногтем. Ребристое колесико смены режимов фотографирования при переключении издавало мягкий щелкающий звук. Он подключил фотоаппарат к зарядке, стал изучать настройки, смотреть качество съемки.

Вскоре, разобравшись с основными функциями, он вышел с подарком к сидящим в комнате родителям.

– Дим, сфоткай нас на память, – отложив газету, улыбнулся папа. – Заодно качество фото покажешь, нам ведь тоже интересно.

Подойдя к искрящейся огнями елке, супруги обнялись. Дима отошел, профессионально присел на корточки и, наведя фокус, сделал фото родителей. Вспышка озарила комнату, аппарат с тихой важностью зажужжал. Мальчик показал получившийся снимок на дисплее. Они выглядели так кинематографично, будто снимались для рекламы.

– Слушай, качество – супер. Теперь я знаю, кто будет меня на юбилее щелкать, – поцеловала мама сына в щеку.

Они завтракали втроем, но не успел Дима доесть последний кусок глазуньи, как раздался звонок в дверь. Мальчик подбежал, посмотрел в глазок – у двери стояли его друзья. Едва он повернул задвижку, как звонкий шум и гам наполнил коридор.

– С днем рождения!

– Поздравляю, Димас!

– У-лю-лю-лю, поздравляем!

– Счастья, здоровья!

– Сейчас уши оторву!

Колька полез обниматься, Саша сильно хлопал по плечам, Лиза тараторила праздничные стихи, Артем махал руками на заднем плане, стараясь привлечь внимание. Дальше всех стояла Надя, смотрела на него и скромно улыбалась. При виде ее сердце Димы подпрыгнуло, он кивнул ей с Лизой, друзьям пожал руки.

– Мы за тобой, давай выходи, – не переставал трясти его руку Колька. – У нас сюрприз подготовлен.

– Сюрприз-и-и-з, – завизжала озорная Лиза, подпрыгивая на месте от нетерпения.

– Давай, давай, не тормози, внизу ждем, – поторопил Сашка, отталкивая компанию от именинника и закрывая за собой дверь.

Дима одним прыжком преодолел коридор, пронесся мимо родителей в свою комнату одеваться. Он прицепил ремень к фотоаппарату, повесил на шею, его тяжесть была приятной и нисколько не мешала. Так же пулей мальчик рванул обратно в коридор.

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

– Зашибешь, молодчик, – усмехнулся вновь спрятавшийся за газету папа.

Когда он натягивал куртку, мама вышла проводить.

– Смотри, не гуляй допоздна – вечером бабушка с дедушкой обещали зайти, будем чай с тортом пить.

Кивнув, Дима выбежал на лестничную клетку, скатился вниз по перилам.

На заснеженной, будто вываленной в муке улице его ждали. Дима похвастался подарком, ребята с восхищением рассмотрели новенький фотоаппарат.

– Ого, профессиональный, супер, – сказал Артем, крутя его в руках. – У моего брата похожий был, когда он в газете работал.

– Класс, Димка. Давай сфоткаю, – зашебетала Лиза. – Только что нажать, покажи.

Компания встала напротив Диминого дома у детской площадки. Сосредоточившись, Надя нашла лучший ракурс и сфотографировала друзей. Мальчишки, как сороки, налетели посмотреть, что получилось, Надя и Дима остались в стороне.

– С днем рождения, – тихо проговорила она, опустив голову. – Мне вот пятнадцать только через полгода будет.

Дима чуть коснулся кончиков ее замерзших пальцев своими и улыбнулся, поймав взгляд зеленых глаз.

К ним подошел Сашка.

– Димон, сейчас в боулинг поедem, в «Гигант», у меня там мамка все организовала. Шары покидаем, я вас сделаю, как обычно. Круто будет!

Дима радостно кивнул, затем компания дружно двинулась к метро. Сегодня его день, он окружен замечательными друзьями, которые желают только добра. Ему хотелось обнять их всех и заплакать, но он вспомнил, что теперь взрослый и не может плакать.

В метро ехали шумно, громко разговаривали, хохотали. Колька щекотал Лизу, отчего та визжала на весь вагон.

– Ну, вы что, потише, – укоризненно сделала замечание им женщина. – Не в цирке ведь.

Колька извинился, но тише стало ненамного.

Путь до торгового центра занимал пару станций на метро без пересадок. Они второпях покинули вагон, поднялись в город и вышли к «Гиганту».

Внутри огромного центра было тепло, в сопровождении звонких переливов колокольчиков звучали новогодние мелодии, озирающиеся люди сновали туда-сюда, бродя по бесчисленным магазинам в поисках подарков.

Компания друзей спустилась на этаж ниже, в полутемное помещение боулинга и бильярда. Сашка, как самый ответственный, сразу направился к администратору справляться о забронированном месте. Остальные переобулись, затем их провели к центральной дорожке.

Подошла Сашкина мама, обняв, поздравила именинника и, заказав ребятам по стакану газировки с блюдом картошки, оставила ребят.

Дима никогда раньше не играл в боулинг, лишь видел передачи по телевизору. Друзья показали, куда нельзя заступать, как нужно брать шар, кидать его, целясь в центральную кеглю. Игра ему сразу понравилась, Дима мигом подобрал удобный для себя шар, а также быстро научился рассчитывать скорость и точность броска.

– Ничего себе, как кидает, – восхитилась Лиза, оценив Димин страйк. – Хватка профи.

– Он сейчас всех сделает, – взъерошил ему волосы Артем. – Лучший!

У Нади дела продвигались хуже. Видно было, что она тоже играет впервые, но в отличие от Димы ее игра не задалась: шар постоянно сносило в крайний желоб. Дима предложил шар весом поменьше, показал, как нужно отводить руку, после чего она стала бросать точнее.

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

Два часа пролетели незаметно. Они шутили, громко смеялись, фотографировались. Когда подошел администратор и учтиво намекнул, что пора заканчивать, в таблице лидировал Сашка, а Дима отставал от него лишь на пару кеглей. Далее шли Колька, Артем, Лиза и Надя.

– Сделали девчонок, – в шутку хлопнул Лизу по плечу Колька, на что та, скорчив рожицу, показала язык.

Они собрались, стали подниматься к выходу, обсуждая прошедшую игру. Позади всех шли Дима с Надей.

– Что-то я совсем играть не умею, – смущенно проговорила девочка. – Все время куда-то вбок уносило. А ты молодец, у тебя отлично получилось для первого раза.

Дима обнадеживающе сжал ее ладонь в своей. Она слегка вздрогнула, словно почувствовала прохладу, но руку не высвободила.

Уже у самого выхода ребята свернули в зоомагазин посмотреть на животных. Дима вместе с Надей вышли подождать их наружу.

Заметно стемнело. Множество оранжевых огоньков города на темно-синем фоне выглядели издали как вереница маленьких гирляндных лампочек, что напоминало о готовящемся вот-вот начаться празднике. Бесшумно полетел снег, мокрые хлопья липли к куртке, оседали на лице, стремясь на нем поселиться. Вдалеке просвистел залп фейерверка, а затем с оттягом грянул хлопок и засветился красно-зеленый высокий куст. Этот праздник благодаря своей нарядной и душевной атмосфере нравился Диме даже больше, чем собственный день рождения.

Надя крепче сжала Димину ладонь в своей, подвинулась ближе, глядя прямо в глаза. Он видел каждую ее веснушку, любовался слегка кудрявыми локонами, длинными ресницами над изумрудными радужками глаз. Едва заметная улыбка коснулась тонких бледно-розовых губ, Надя привстала на цыпочки, прикрыла глаза, немного потянулась к Диме. Задержав на вдохе дыхание, он наклонился к ней...

Пустая пластиковая коробочка из-под драже гулко ударила о голову, а затем, отскочив, улетела куда-то под диван. Дима Крупин мигом проснулся, громко застонал на всю комнату, раскачиваясь и прижимая к груди игрушечную куклу.

– Красава, Колян, прям по морде. Это плюс десять сразу по-любасу.

– Видал, как он хотел куклу засосать? – Коврижин толкнул Шнырева под плечо. – А, Шнырь, как думаешь, че ему приснилось?

Дожевав печенье, Шнырев вытер рот рукавом байковой рубашки и громко гоготнул:

– Да че тут думать, погляди, вон как ряшка раскраснелась.

Раздался звонкий смех. Дима испуганно озирался, продолжая раскачиваться все сильнее. Его взгляд испуганно метался от экрана телевизора, по которому шел семейный сериал, к стоящей в углу облезлой елке.

– Че пыжишься? Не, он нарывается, – Коврижин пошарил рукой под сервантом, но там оказалось пусто. – Патронов мне.

Саша Гвоздев похлопал себя по карманам и, найдя раздавленную конфету, протянул Коврижину. Тот хихикнул:

– То, что надо.

Заметив, что в него опять чем-то собираются запустить, Дима зарыдал, забившись в угол кровати.

Коврижину это не понравилось. Он привстал с дивана.

– А ну, не прячься, дурак. Сказал, выпрямись, хуже будет. Ты же по-русски понимаешь, ну!

– Это что у вас происходит? – раздался сзади громоподобный голос Надежды Петровны.

– Атас, Колян.

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

– Приперлась. Темыч, дай пройти.

– Отдайте конфету.

Подростки разом разбежались по своим кроватям, оставив Коврижина одного в центре комнаты. Спрятав руки в карманы, он повернулся к воспитательнице:

– Телевизор смотрим.

Дима продолжал плакать навзрыд.

Воспитательница посмотрела в дальний угол и, всплеснув руками, ахнула.

– Что ж вы, звери, делаете-то? Опять?

Она отвесила сильную затрещину Коврижину по макушке. Тот взвыл, схватившись за голову, упал на ковер и пополз к своей койке. Кое-где раздался еле сдерживаемый смех.

– А ну, спать всем! Насмотрятся на ночь ерунды всякой. Нелюди. Звери, – цедила Надежда Петровна сквозь зубы, подходя к Диме. Тот, видя движения в свою сторону, заволновался и сильнее вжался в угол. – Не бойся, иди сюда, маленький.

Ее руки ласково провели по его волосам. Она достала салфетку из кармана, вытерла ему слюни, подтерла текущий нос.

– Не бойся, мой хороший. Я тут, все хорошо, мой солнечный мальчик, – успокаивающе повторяла женщина. Дима притих, закрыл глаза и выпустил из рук куклу. Казалось, он заснул.

Надежда Петровна села рядом, обняла его, продолжая баюкать. В комнате воцарилась тишина, лишь из угла доносился звук тихо работающего телевизора, по которому шел семейный сериал, да время от времени скрипели кровати.

В приоткрытую дверь заглянула Елизавета Ивановна.

– Вы как тут? – шепотом спросила она.

– Как обычно, – также едва слышно ответила Надежда Петровна. – Лиз, поди сюда, поможешь.

Елизавета Ивановна подошла, почувствовав запах, чуть заметно поморщилась.

– Опять что ли? Я же полтора часа назад только меняла.

– Эти гады кого угодно доведут, поддержи.

Надежда Петровна достала из тумбочки памперс и чистое белье, вдвоем они переодели Диму. Мальчик лишь слабо стонал, мотая в полусне головой из стороны в сторону.

– Спасибо, Лиз, иди, я сейчас.

Выходя из комнаты, Елизавета Ивановна выдернула шнур телевизора, поправила свисающую с елочных веток серую мишуру. Никто не издал ни звука.

Оставшаяся воспитательница погладила Диму, взяла грязную одежду и, оглядев комнату, вздохнула. «Как же тяжело... Просто невозможно», – скорбно подумала она.

Погасив свет в комнате, Надежда Петровна пошла пить крепкий кофе: дежурить в детском доме сегодня ночью была ее очередь.

СМЕХОТЕКА

Ольга Кащенко
(Москва)

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

*Трансцендентальная многобуквенная трагикомедия
с гастрономическим уклоном и счастливым концом.*

Читать нараспев, как Пушкина.

Часть первая. Трагедия

На берегу неведомого моря,
Где бушует северный Борей,
Жил старик в безденежье и горе
С вредною супружницей своей.

Ежедневно вопли, крики, свары –
Бабку прям с утра уже несло.
Видно, это колесо Сансары
В карму деда минусов внесло.

Это отступление было нужно,
Чтоб их быт полней живописать.
Ветхий дом не ведал радость дружбы:
Проорались, хоп в кровать – и спать.

Развлечений в тех краях не знали –
Не тянули оптоволокно,
Про три-джи и слыхом не слыхали.
Стало скучно? Поглазей в окно.

Занимая площадь в сто квадратов
(Двадцать – хатка, восемьдесят – пляж),
Доживали век свой небогато,
Представляя перед сном гуляш.

Кушая телячьи медальоны,
Старичок причмокивал во сне,
Наяву лишь рыбные бульоны
Да треска бывали на столе.

Здесь внести понятность нужно сразу:
Деду всех милей была еда,

Но уже давно и плов, и зразы
Заменяла рыба лабуда.

Из богатств – лишь старое корыто
Да с трубой погнутой патефон,
Остальное прожито-пропито
С послеперестроечных времен.

Ускорён пятою феминизма,
Каждый вечер плелся к морю дед,
Вспоминая, как громил фашистов
И какой в столовых был обед.

Тихо дауншифтинг проклиная,
Что загнал его на край земли,
Волочил свой невод дед, вздыхая
(«Неводпром», артикул ноль пять три).

Каждый день был день на день похожий:
Утро, вопли, море, невод, дом.
Но однажды измененье все же
Наступило. Слушайте об нем...

Вечер как-то сразу не задался,
Невод приносил сплошную дрянь.
Поперву утопленник попался,
А потом и порванный баян.

Дед, кручинясь, спросил у неба:
– Что за несъедобная фигня?
Мне бы воблу! Осетринку мне бы!
Не насытит сей улов меня!

Небеса остались к воплям глухи,
Видно, был в конторе выходной...
Опасаясь пенделей старухи,
Дед продолжил мучить невод свой.

Жизнь пенсионера неказиста:
Ломота в костях, не тот прицел.
Невод, провозившись в дне илистом,
Притащил рождественскую ель.

Видимо, гонимая прибоем,
Елка издалёка приплыла,

Старая, с уже облезшей хвоей
И мотком гирлянды вокруг ствола.

Обезумев, дед заматерился,
Сунул суициднику баян,
В море вместе с неводом вонзился
И давай махать им, будто пьян.

Сей аффект был нерезультативен –
Старый невод прибыль не принес,
Пал на берег наш старик, бессилён,
Утираясь от соплей и слез...

Часть вторая. Комедия

Вдруг вскочил, на месте закружился,
Хохоча, скрутился буквой зю...
Видно, интеллектом устремился
На шизофреничную стезю.

«Эх! – вздохнет читатель, – божья милость,
Тяжела реальность бытия,
Не снесла душа и терпеливость
Издевательств... Бог, храни меня!»

Хрен тебе, читатель мой любезный!
Есть на свете Справедливость! Есть!
То не сумасшествий адских бездна,
И не ужасающая жесть,

То Златая Рыбка щекотилась,
Шерудя всей мощью плавника, –
Бедная, подмышкой очутилась,
Заплутав в лохмотьях старика.

Выскользнув на брег из крупной дырки
(На гондон, забытый «дикарем»),
Рыбка, поплевавшись и пофыркав,
Пробасила: «Уф-ф-ф, старик, живем!»

– Это ж... Это ж Рыбка Золотая!
Вот так чудо! Сплю я или нет?!
Так, корыто бабке залатаю
И схомячу комплексный обед!

Впрочем, нет! Мы ж Пушкина читали!
Так, Петрович, в сторону обед,
А не то в заоблачные дали
Бабку понесет – тушите свет!

– Значит так, Златая, – молвил дедка, –
Я уже ученый, я в курсах,
Моя бабка хуже горькой редьки,
Зажирует, ну а я в трусах.

В ж... это старое корыто,
Эту бабку, море, невод, пляж –
Весь *булшит*, мне новое открыто,
Так что в ж... и мясной гуляш!

Для начала – шлюх, блэк-джэк и виски,
На закуску дай деликатес,
Только не тащи сюда сосиски,
Плюшки или грушевый дюшес.

В общем, Рыбка организовала
Олл инклюзив лэвэл в *файв старс*,
Вместе с дедом выпила, сплясала,
Угостила шоколадкой «Марс».

Опосля друг с другом пошептали,
Рыбка лихо щелкнула хвостом...
Вы же про Хью Хефнера слышали?
Ну так это дед наш, это – он!

Мораль

Так вершится в мире справедливость,
Каждому воздастся по делам.
Бабку наказали за брюзгливость,
Деду – телок и бабла в карман!

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

НОВОГОДНЕЕ-РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Анна Народицкая

(МОССАЛИТ, Москва)

ЛЕДЕНЦОВАЯ ЗИМА

ЛЕДЕНЦОВАЯ ЗИМА

Что январь? Лишь время года,
Первый месяц, так сказать.
Как ни буйствует природа,
Для меня – все благодать.

Все в сугробах! Что ж, прекрасно!
Я шагаю не спеша.
Суета всегда напрасна,
Пусть расслабится душа.

Чуть утоптана дорожка
Среди сливочных вершин.
Шоколадно-белой крошкой
Снег летит из-под машин.

Сыплет вниз крупую мелкой,
Исчезая без следа
Под хрустальной карамелькой –
Веткой в коконе из льда.

Залиты пломбиром сладким
Все бисквитные дома,
И блестят сосульки гладко.
Леденцовая зима!

Но замерзла я немного
И голодная чуть-чуть.
В магазине, по дороге,
Отогреюсь как-нибудь.

Заодно в отдел заветный
Забреду-ка невзначай.
Там... любимые конфеты!
И домой! Пить крепкий чай!

НАСТУПЛЕНИЕ ЗИМЫ

Девственно чистым холодным покровом
 Ночь застилает скупую постель.
 Звезды – как иглы. А месяц суровый
 С ветром студеным завел канитель.

Зябко, не спится. Гляжу я в окошко,
 Сыплет снежинок во двор седина.
 Рядом пушистая толстая кошка
 Носом уткнулась в ковер у окна.

Вот и зима... вырастают сугробы,
 Сахарной искрой мерцают в ночи.
 Хочется в валенках выбежать, чтобы
 Молча из снега лепить кирпичи.

Будет работа моя ненапрасна,
 Пальцы, дыша, согреваю с трудом.
 Замок построю хрустально-прекрасный!
 Снежной Владычицы сказочный дом.

СНЕГОПАД

Облака пух опустился с небес?
 Нет, это просто в ночи снегопад.
 Мягкий над крышами белый навес,
 Улицы все осыпает подряд.

Ах, эта ночь тихой тайной полна!
 Сотни снежинок кружат по двору.
 Нет, не до сна мне теперь, не до сна,
 Жаль, если сказка растает к утру.

Все ворожит снегопад за окном,
 И в небеса я молитву шепчу:
 Светлым стели впереди полотном!
 Я ведь не многого в жизни хочу.

Снежную нежность свою подари,

Припороши прошлых лет канитель,
 Ну а еще до холодной зари
 Кружевом сна мне наполни постель.

Будет шептать снегопад до утра,
 Землю устелет пушистый покров.
 Он убаюкал меня, мне пора
 В царство уютных и радостных снов.

РОЖДЕСТВО

Белоснежное нежное кружево,
 Тихой сказкой окутан весь двор.
 Снег пушистый так медленно кружится,
 И на окнах хрустальный узор.

Чудо с неба на город спускается,
 Щедрой кистью рисует любовь.
 В эту ночь мне так сладко мечтается,
 Словно в детство попала я вновь.

Ветви в белых морозных ресницах
 Полночный ведут разговор.
 Будто кто-то на сказочных спицах
 Вяжет снежно-волшебный ковер.

И мне слышится, кажется, чудится:
 Тихо ангел шагнул на порог.
 Он отыщет того, кто заблудится,
 Он согреет того, кто продрог.

Средь деревьев, в сиреневых тенях,
 Снежных искр бриллиантовых нить.
 Я у Бога прошу на коленях
 Этот сказочный мир сохранить!

А с рассветом оставить немножко
 Ощущения чуда во мне,
 Что б я утром взглянула в окошко –
 И мелькнуло крыло в вышине.

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

ПИЛИГРИМЫ

Идейный вдохновитель и бессменный руководитель творческого объединения «Пилигримы» – поэт, писатель и публицист, член Международного союза писателей «Новый современник», руководитель оргкомитета Международного Грушинского интернет-конкурса Эдуард Филь.

Официально объединение появилось 20 февраля 2008 года, однако фактически существует уже с 2005 года. Члены объединения регулярно собираются на встречи, проводят творческие вечера, обсуждают насущные проблемы.

Сегодня объединение «Пилигримы» широко известно не только в России, но и за ее пределами. В 2010 году на базе «Пилигримов» появился ставший уже популярным во всем мире Международный Грушинский интернет-конкурс. По результатам конкурса издаются сборники «Грушинское братство», ведется поэтическая площадка, проводятся мастер-классы (проект «Грушинская Академия») такими известными поэтами, как Вероника Долина, Александр Городницкий, Игорь Волгин, Евгений Евтушенко.

В нашем журнале мы будем публиковать произведения тех авторов, чьи работы завоевали награды или симпатии на Грушинском фестивале, а также произведения членов творческого объединения «Пилигримы».

Ирина Грановская

(Израиль, Хайфа)

Город

Обломки стен смешались винегретом,
На них приправой окислялся стронций.
Над черной неподвижною планетой
Вставало эбонитовое солнце.

По бывшим городам гуляло пламя,
Взрывая то цистерны, то канистры,
И раны рек с разверстыми краями
Дымились и разбрасывали искры.

А здесь, тупой вражде немым укором,
Обещанным и Торой и Кораном,
Мой теплый, мой любимый южный город
Лежал в руинах черным, бездыханным.

Лежал, нелепо вывернув кварталы,
Безмерно, безнадежно изувечен,
С лицом, покрытым траурной вуалью,

И оспинами трупов человеческих.
Из треснувших кусков античной кладки
Торчал, как вопль, скелет сгоревшей стелы.

А радиоактивные осадки
Летели вниз, летели вниз, летели...

Внезапно я очнулся от кошмара,
Смеялось утро, щебетали птицы,
По отдохнувшему за ночь тротуарам
Спешили люди шумной вереницей,

И, разбивая в прах печаль и скуку,
Кружился у окошка змей бумажный.

Дай, Господи, чтоб этот сон не в руку,
Но все же пусть его увидит каждый

Несвободна

Несвободна, словно тень от кошки,
 Шла река в наручниках мостов,
 У причала строем тётки-ёжки
 Продавали трупики цветов,
 Предвкушая яблочную мякоть,
 Корни яблонь тискала земля...

Что ж теперь, достать чернил и плакать?
 Или подождать до февраля?
 Подождать, когда замерзнут воды,
 Станут сном последние цветы,
 И, наевшись досыта свободы,
 Может быть, ко мне вернешься ты.

Рисунок по памяти

На столе клеенка в нарядных маках,
 В мисочке горох, размокая, бухнет.
 Я сижу с тетрадкой, вдыхая запах
 Пестрого бытья коммунальной кухни.

В комнатке, где слоники под часами
 Будут ждать, как в кухне, цветной и пьяной,
 Отзовутся тосты: «За тех, кто с нами»
 Эхом от войны: «Что ж, друзья, помянем...»

Вновь из пункта «А» вышел человек,
 А линейка в комнате – вот растяпа!
 Там у мамы гость (говорит – разведчик,
 Да хоть генерал, только он – не папа).

А пока спешит человек в тетради,
 Скорость в пять кэмэ отмеряют ножки,
 В такт его шажкам по бульонной глади
 Неля мерно плюхает поварешкой.

Дядя Моня час как пришел со смены,
 Пьет грузинский чай из огромной кружки,
 Заедая цимесом непременно,
 Рыжим, как Мироновы конопушки.

И, перхая старчески, бабка Полька
 Мозговую кость с упоеньем гложет.
 Путь до пункта «Б» – два пи эр, поскольку
 В понедельник будет опять все то же:

На халате в треск натянув полоски,
 Вновь дымит у форточки тетя Фира,
 Страхивая пепел от папироски
 На медальку крышечки от кефира.

Потекут до пятницы дни за днями,
 Толкотня на кухне, домашка, споры,
 И опять разведчик припрется к маме,
 Или капитан, или дворник Боря.

В ряд на керогазах кастрюль короны:
 Хаш, рассольник, щи и супец с колбаской...
 Попросить линейку бы у Мирона,
 Только он на улице, с нашим Васькой.

Так же будем с модой сверять подолы,
 Медяки считать у окошка кассы,
 И захлеб делиться возвращенной в школе
 Верой в урожай райских яблок с Марса,

Скоро шесть. Михеич придет с работы,
 А за ним Армен, хахалх тети Нели,
 Сядут отмечать, кто – приход субботы,
 Кто – последний день трудовой недели.

Верой, что вот-вот заживем как люди,
 Что преодолеем все-все барьеры.
 Главное ведь: верить, что будет, будет,
 И воздастся, может быть, нам по вере.

Сдвинутся столы, зазвенят рюмашки,
 Загремят кастрюли, роняя крышки.
 Ну а я, доделав свою домашку,
 Посижу с Мироном, листая книжки

Под окном надсадно скрипят качели,
 С них в песок сигают Мирон да Васька...
 Принеси-ка, внученька, акварели –
 Нарисуем память в прозрачных красках.

ПИЛИГРИМЫ

Любовь Левитина

(Израиль, Ашкелон)

Не жалко

Закончилось придуманное счастье,
цена ему – в базарный день пятак.
Не жалко, что приходится прощаться,
а жалко, что приходится вот так.
Уходишь с непреклонностью солдата,
готовит память воду в решето.
Не жалко, что припомнится когда-то,
а жалко, что припомнится не то.
Закат всплывает медно-красной рыбой –
удачный, но потерянный улов.
Не жалко слов, что мы найти могли бы,
а жалко, что не ищем этих слов.
Кино немое. В долгом эпизоде
ты, я и третьей – скука, а не грусть.
Не жалко, что в финале ты уходишь,
а жалко, что и я не остаюсь.

Гербарий неисполненных желаний

Пылится в заколоченном чулане,
а может быть, на старом чердаке
гербарий неисполненных желаний
и грезит о заботливой руке.

Забывшие, отправленные в небыль,
листья, где нет ни времени, ни дат,
а только бледный цвет, засохший стебель,
сожженный лес и вырубленный сад.

Гербарию загаданное снится,
он дремлет и не ведает пока,
что время копит новые страницы,
свисая паутиной с потолка.

Переход

В лабиринтах перехода, где в потоке нету брода,
толпы разного народа
продвигаются, спеша.
Здесь вещают и торгуют, мне – на улицу другую,
обгоняю на бегу я
молодого крепыша.
Неприветливые лица – отчего бы людям злиться?
Впереди опять пылится
неизвестный поворот.
Разобраться не могу я, мне – на улицу другую,
отойду и обмозгую,
где там «дальше и вперед».

Незатейливые годы – от свободы до свободы –
добавляют переходы,
где несут, за рядом ряд,
лица, руки, сумки, ноги в пасть удава бандерлоги,
не сбиваются с дороги
и о жизни говорят.
Мимо жуликов и нищих, собираясь в сотни-тыщи,
по-простому счастья ищут,
спотыкаясь на ходу.
Перед ними не в долгу я, мне – на улицу другую,
обогну еще дугу и
эту улицу найду.

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

ПИЛИГРИМЫ

*Нара Фоминская
(Курганская обл., Шадринск)*

26 апреля

Металлический привкус на кончике языка,
от невидимой силы наутро рыжеет лес,
и уже целый день течет в никуда река,
и прошит рентгенами приговор небес.

Нет предчувствия, страха липкого тоже нет,
заневестился вишнями разгуляй-апрель,
неизведанный и безжалостный адский свет
превращает мир в звенящую акварель.

Все прозрачно и красочно – смерти нет,
но она заползла невидимкой – уже внутри.
Ах, какой красивый на Припяти был рассвет!
В общем, кто не спрятался... раз, два, три...

За трамвайными рельсами – солнечный луг,
в двух шагах от панельных «скворечников» –
одуванчиков майских медовый недуг
под гуденье пчелиное вечности.

Голоса там негромки, рассветы чисты,
и в сандалиии маленький камешек
так мешает, что вдруг остановишься ты
у бездонного неба на краешке.

И расправятся крылья, и трепетный вдох
горизонты раздвинет нечаянно.
...Собирает цветки одуванчиков бог,
и горчат его руки печальями.

Мой голос тихим стал с недавних пор
не потому, что я рыдала над могилой,
не потому, что громкий разговор
мне кажется нелепым и постылым,
не потому, что сонмы голосов
в момент прозренья стали мне чужими,
не потому, что ход земных часов
необратим и платим не по лжи мы.
Не по словам нас меряют, и Тот,
кто смотрит в душу нам неспящим оком,
нас верно и настойчиво ведет
к неслышным и неспешным диалогам.

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

ПИЛИГРИМЫ

Степан Кайгородов

(Челябинская обл., Южноуральск)

ЗА ДВЕ МИНУТЫ ДО РАССВЕТА

Снова в сиротский дом я попал, когда мне было четырнадцать. После того, как очередной приятель моей приемной мамы напился и побил меня. Наверное, в полицию позвонили соседи. Неспособность воспитывать ребенка из-за пагубного пристрастия к алкоголю. Помню, как мама плакала, искренне. Она выбежала на середину дороги, в старом ободранном платье, со всклокоченными волосами, на морщинистом лице блестели одна за другой стекающие капли слез.

Я сидел в машине скорой помощи и смотрел на нее через стекло. Она не кричала, не размахивала руками, не требовала вернуть сына, просто стояла, уставившись взглядом куда-то в пустоту. Своих настоящих родителей я никогда не видел, говорят, они оставили меня в роддоме, а потом у меня появилась приемная мать. Она хорошая. Правда, хорошая. Только иногда выпивала. Позже я пытался объяснить это людям, которые расспрашивали меня о маме, но они только обещали, что все будет хорошо, и не позволяли мне вернуться домой.

Когда машина поехала и мама начала понемногу уменьшаться, я дернулся к двери, медсестра меня остановила, я не намеревался открывать дверь, просто инстинктивно дернулся, просто мне не хотелось снова в сиротский дом.

Зимой я особенно боялся появляться в туалете, шел туда, только когда не мог уже терпеть. На улице было холодно, поэтому в туалете курили парни. Не было среди них одного, кто издевался надо мной больше остальных. Все это делали, поэтому я даже не могу припомнить ни лиц, ни имен – все было одним сплошным кошмаром. Несколько парней навалились на меня, сбили с ног и поставили на колени перед толчком. Поначалу мне хотелось их всех порезать. Много раз я прокручивал в голове, как втыкаю нож кому-то в горло. Много раз представлял на их лицах изумление и страх. Представлял, как схожу с ума и кромсаю их одного за другим в этом сраном туалете. И каждый раз, когда сталкивался с кем-то лицом к лицу, пусть даже один на один, у меня начинали трястись поджилки, а потом мне было так противно: «Какие, на хрен, фантазии! Ты просто кусок дерьма!»

Я действительно кусок дерьма, потому что даже на самоубийство духу у меня не хватило. Было время, когда я засыпал в кровати и успокаивал себя мыслью, что не так уж все плохо, что, в крайнем случае, у меня есть выход. А потом в порыве отчаяния, после очередного унижения, я попытался изрезать себе вены. Когда кровь неожиданно брызнула струей, я очень испугался, перестал плакать, жизнь в этот момент уже не казалась мне ужасной, я просто испугался за свою жизнь и крепко перевязал рану тряпкой. Сидел и смотрел, как кусок ткани на моей руке становился мокрым и краснел. Порезал я себя неглубоко, поэтому кровь через некоторое

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

время остановилась, и я понял, что все это просто игра, самообман, на самом деле я не хочу умирать, на самом деле я очень даже хочу жить.

Схватив за руки, парни нагнули меня, так что мое лицо провалилось внутрь толчка. Вообще я щуплый, очень худой и роста небольшого, моя голова приспособлена проникать в такие дырки, как дырка толчка, например. «Спускай!» – крикнул кто-то, и на мое лицо тут же обрушился поток холодной воды. «Еще!» – продолжал кричать голос, я не сдержался и сделал вдох, вода попала в рот и ноздри, я поперхнулся, и мне показалось, что сейчас задохнусь.

Меня отпустили. Откашливаясь, я пополз в угол и прижался к стене. Глаза я закрыл, слышал только смех, доносившийся со всех сторон. А потом на меня помочились.

Стоит ли говорить, что друзей у меня не было, никто не хотел со мной общаться. Должно быть, поэтому у меня выработалась привычка не обращать на людей внимания. На лица, имена, вообще какую-то информацию, связанную с человеком, у меня была очень плохая память. Кто-то уходил из сиротского дома, кто-то приходил, я не замечал разницы. Но когда у нас появились Тим и Маша, я запомнил этот день, потому что Тим подошел ко мне и сказал:

– Здорово! Я Тим, а это Мари!

– Меня зовут Машей вообще, но Тим называет меня Мари. Лучше звучит, не правда ли?

– Да, лучше! – по привычке включил я соглашательский тон.

– Тебя-то как зовут? – спросил Тим.

– Дима.

Странное дело, от взрослых я много раз слышал, что человек со временем привыкает ко всему. Привык ли я скучать по матери? Нет! Я скучаю каждый раз с неменьшей силой. Привык ли я бояться? Привык ли я к кошмару? Сейчас меня начало трясти, будто в первый раз. Как всегда, я боялся, что надо мной начнут издеваться. И все же одновременно я понимал, что оставаться невидимым и совершенно одиноким куда хуже.

– Я тут перетер с несколькими. **анутые! А таких, как ты, я знаю, – Тим оглянулся и достал пачку сигарет, закулив прямо в коридоре, он предложил и мне, но я покачал головой.

– Ты не можешь постоять за себя, так, приятель? – Тим и Мари переглянулись. Мари сказала, что это не страшно, и подошла ко мне, обхватив мою руку своей.

– Наверняка ты думаешь, что ты кусок дерьма, и все такое? – Я хотел освободить руку, но Мари не дала мне этого сделать.

– Не думай про себя абсолютно. В каждом есть и дерьмо, и что-то хорошее. Ты думаешь, что я пришел поиздеваться над тобой, но я могу сказать тебе то, чего ты, может быть, еще не знаешь!

На вид Тиму было, как и мне, лет четырнадцать, может быть, пятнадцать. Но он казался очень взрослым.

– Тимка – рентген, – прошептала мне на ухо Мари, – он видит людей насквозь!

Она отпустила меня и, обняв Тима, поцеловала в засос. Кто-то из парней свистнул в коридоре, а проходившие мимо девчонки сказали им, чтобы они не общались с таким уродом, как я. А потом к нам подошел один парень и сказал, что я последнее чмо на планете и чтобы они не заморачивались на мой счет, и спросил сигаретку у Тима. Тим ответил, что ему лучше бы попросить сигарет у своей бабушки.

– Я уверен, что более надежного друга в этом бедламе мне не найти, будем дружить? – и Тим протянул мне руку.

– Будем!

Был ли я рад? Конечно, но меня печалило что-то неопределенное. Откуда-то я знал, что Тиму не приспособиться в этом месте. Он был беззащитней даже, чем я. Он был беззащитней из-за Мари. Мне хотелось верить, что все будет нормально. Мне даже стало легче переносить издевательства, не то чтобы я стал меньше бояться, просто стал меньше прокручивать одни и те же моменты в голове.

Однажды в школе я отпросился с урока в туалет, мне не хотелось встречаться на перемене с моими обидчиками. Идя по коридору, я увидел в окно Мари с Тимом. Тим держал в руках коньки. Я выскочил на крыльцо:

– Привет! Вы куда?

– Давай с нами, приятель! Пойдем на замерзшее озеро кататься! – крикнул Тим.

Мы шли, утопая в сугробах. Всегда ненавидел ощущение холода от снега, забившегося в ботинки. Но в тот день мне было все равно. Светило солнце, а Мари с криком «Не догонишь!» бежала по сугробу, когда Тим обхватил ее сзади, и они рухнули оба, вздымая столб снежной пыли.

– А ты особенный, да?! – Тим толкнул меня в сугроб, а Мари, прыгнув рядом, начала закапывать меня в снег. Приговаривая «милашка», она растирала снег на моем лице, а я улыбался, не сопротивляясь. Помню, мне подумалось в тот момент, что я похож на игрушку, которую случайно находят, чтобы поиздеваться или позабавиться, изображая заботу на лице.

Мы катались по очереди. Тим и Мари уже смело стояли на коньках, а мне пришлось учиться под восторженный смех Мари. А потом мы улеглись на льду и смотрели на проплывающие облака.

– Тебе сколько лет? – спросил Тим.

– Четырнадцать, – ответил я.

– И мне тоже, – отозвалась Мари.

– А тебе сколько? – спросил я Тима.

– Пятнадцать, – сказал он, – еще немного, и я смогу свободно решать, что мне делать.

– И что ты будешь делать? – спросил я его.

– Отвезу Мари в Париж! – серьезно ответил он, а Мари, рассмеявшись, сказала:

– Тим хочет затащить меня на какую-то башню и устроить там пикник!

– Эйфелеву башню, дурочка, Эйфелеву! – с гордостью в голосе произнес Тим. – Там есть лифт, и ресторан тоже есть. Мы закажем вкусной еды, всяких деликатесов, будем пить дорогое вино и смотреть на огни Парижа с высоты нескольких десятков этажей.

– Значит, я дурочка, да?! – изобразив обиду, сказала Мари.

– Моя маленькая миленькая дурочка! – Тим подвинулся и поцеловал хихикающую Мари.

– А ты что будешь делать, когда станешь совершеннолетним? – обратился ко мне Тим.

– Я не знаю. Я не думал об этом пока, – чувство смущения заставило меня покраснеть.

– Возьмем его с собой, а, Тим, возьмем? – воскликнула Мари.

– Без вопросов! Решено! Мы все отправимся в Париж! Да, друг?! – Тим толкнул локтем меня в бок. А я, глядя на проплывающие по небу фигуры облаков, уже представлял отражение в окнах ресторана наших лиц, уставившихся на огни Парижа.

Ощущение, будто ты чихнул, но соплей так много, что они разлетаются в стороны огромными порциями. Такое ощущение возникает, когда в лицо попадает легко скомканный снежок и от удара тот разлетается во все стороны. Странно, но на этот раз я начинаю припоминать лицо парня, который, по всей видимости, здесь главный забияка. С тех пор как я начал дружить с Тимом и Мари, память на лица и имена начала возвращаться с пугающей силой.

– А ну-ка, чмошник, слепи-ка нам еще парочку таких снежков! – говорит мне главный забияка под гогот остальной компании ребят и девчонок, устроившейся на крыльце школы в ожидании потехи.

– Ты что, тупой? – ко мне подходит парень, лицо которого я смутно начинаю припоминать.

– Делай то, что тебе говорят! Лепи чертовы снежки! – он срывает с меня шапку и толкает в сугроб.

Если я не стану лепить снежков, то могу получить ботинком под ребра несколько раз, после чего тело будет ныть весь день. Поэтому я поднимаюсь и начинаю лепить снежки.

– Давай, урод, еще, еще лепи! – покрикивает на меня главный, а второй парень раздает остальным снежки по кругу.

Как раз в тот момент, когда на меня сыплется со всех сторон дождь из снежков, на крыльце появляется Тим. Главный забияка кричит, чтобы я продолжал делать снежки. «Я же просил тебя, чертов дурак!» – кричит мой внутренний голос. А голос снаружи, пытаюсь сгладить ситуацию, звучит:

– Да все нормально! Мы просто прикалываемся!

Но уже поздно. Я уже слышу, как Тим кричит «Эй!». Я уже вижу, как он с маху бьет драчуна по лицу и спрашивает, нравится ли это ему. Подскочивший друг задиры также получает по лицу. Но зачинщик драки, вскочив, обхватывает Тима сзади, из толпы возникают любители колотить связанных жертв. Тим резко бьет забияку затылком по носу, развернувшись, сбивает его с ног. У меня так колотится сердце, будто это я сам бью засранца, у меня расширяются зрачки, у меня трясутся от напряжения сжатые кулаки, губы дрожат, будто это я сам кричу:

– Сука, говори, тебе нравится или нет?!

Тим колотит как сумасшедший задира по лицу. Из дверей школы вылетают учитель физкультуры и старшая воспитательница. Учитель, схватив Тима за шкуру, оттаскивает его в сторону. Воспитательница помогает встать забияке и отводит его в медкабинет. Я стою, будто прижатый огромными глыбами, под взглядами уставившихся на меня школьников.

Затишье перед бурей. Эта тишина выматывает звенящими от напряжения нервами. От меня резко отстали. Все сделали вид, будто меня не существует, на время выкинули в коробку со сломанными игрушками и спрятали ее на чердаке. Я почувствовал себя невидимкой, стоя в прокуренном туалете среди стада гиен, и спокойно справляя нужду. Единственный раз тишина была нарушена, когда меня толкнул в спину приятель главного хулигана и вкрадчиво сказал:

– Очередь и до тебя дойдет.

В то утро терзавшие меня мысли о наступлении момента, когда эта самая очередь наконец дойдет, отступили. Проснувшись, я обнаружил, что один в комнате. Комнаты у нас

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

рассчитаны на троих-четверых, койки пустовали, а в коридоре явственно происходила какая-то суета. Желание узнать, чем она была вызвана, заставило покинуть теплую кровать в столь ранний час.

Я вышел в коридор, подростки столпились на лестничной площадке, перегибаясь через перила, некоторые смотрели вниз, но никто не спешил спускаться на первый этаж. Мимо меня пробежала дежурная медсестра, задев халатом, который застегивала на ходу. В голове зарождалось нечто, чего я боялся все это время. Я стоял, как обычно, в стороне событий, но, как всегда, чувствовал, что эти события напрямую связаны со мной. В мою сторону двинулись парни, мои соседи по комнате, они смотрели на меня с еще большим презрением, с настоящим презрением, не наигранным. Подойдя, один из них сказал:

– Ты такой урод, что даже твои друзья кончают с собой! Как ее звали, Маша вроде... Она спрыгнула сегодня утром с крыши. Ты, урод, в этом виноват!

Я знаю. Я знаю, что виноват. Все это из-за меня. Куски мозаики мигом сложились в голове. Забияка. Я догадываюсь, что он сделал с Мари. Она казалась такой сильной, такой позитивной. Меня стошнило на пол, а потом я побежал прямо в гущу толпы, стоявшую на площадке, пронесся по лестнице, не заметив медработников и суматохи на первом этаже, босиком, в майке и трусах, выскочил на крыльцо.

Тим в одиночестве сидел на ступеньках спиной ко мне. Пустая карета скорой помощи стояла рядом с крыльцом, ее двери были открыты, видимо, весь персонал был внутри здания. Я подошел. Его трясло, плакать он перестал. Лицо серое, будто в черно-белом кино, зрачки сжались, казалось, они вообще исчезли. Передо мной сидел человек, из которого только что вынули душу. Я опустил взгляд и увидел, что его сжатые кулаки в крови.

– Надеюсь, этот ублюдок мертв.

Я развернулся и пошел по дороге. Мне на встречу летела еще одна карета скорой. Она с воем пронеслась мимо. Я просто шел, но казалось, что стою на месте. Не понимал, передвигаю ногами или нет. Мне так хотелось убежать отсюда, убежать от самого себя. Все что мне нужно – идти, мне просто нужно идти туда, где горизонт, вперед, просто вперед, не останавливаясь ни на секунду, если остановлюсь – умру...

Алёна Лебедева. Петухи. Акварель, 2016 г.

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

ПИЛИГРИМЫ

Юрий Шурупов

(Башкири, Агидель)

ТЕЛНЯШКА ПОД РЯСОЮ

Немало имен героев хранит история нашего Отечества. Есть среди них прославленные полководцы высоких званий – генералы, адмиралы, фельдмаршалы. Есть бесстрашные рядовые – солдаты и матросы, вместе со своими командирами грудью защищавшие Россию от врагов. Но мало кто знает сегодня о том, что в одном строю с кадровыми военными на суше и на море находились православные священники, крестом и молитвой, личным примером мужества и отваги укреплявшие дух однополчан, вселявшие в них веру в победу. Вот об одном таком священнике, который вместе с экипажем легендарного крейсера «Рюрик» участвовал в сражении с превосходящими силами японского флота в августе 1904 года, и пойдет наш рассказ. А имя этого героя – иеромонах Алексей (Оконешников).

1. В Якутск, за знаниями

В тот зимний день 1887 года Тимофея Оконешникова вместе с женой Аксиной, коренной православной якуткой, с раннего утра захлестнули хлопоты перед отправкой старшего сына Василия на учебу в Якутск. Сам Василий тоже не сидел без дела. В мешок из оленьей шкуры он складывал книжки, подаренные ему ссыльнопоселенцем Сергеем, аккуратно свернутые трубочкой и перевязанные ниткой листы чистой бумаги, которые за мешок муксуна, специально заготовленного для строганины, отец выменял у почтаря Андрона, два химических карандаша и главные ценности – Библию и Молитвослов, врученные ему как самому грамотному человеку третьего Мэтьюжского наслег Колымского улуса приехавшими из Якутска в прошлом году православными миссионерами. Подумав, не забыл ли чего, Василий подбежал к отцу, выбиравшему в коробе с обувью запасные унты для сына – что поновее да потеплее, и дернул его за рукав рубахи:

– Тятенька, а можно я возьму с собой «Охотника»? Уж больно любя мне эта фигура. Будет память о доме, о тебе с матушкой.

Тимофей накрыл своей большой натруженной ладонью вихрастую голову Василия и, ласково заглянув в его глаза, пробасил:

– А чего не взять-то, ежели нравится? Забирай, я на досуге себе еще вырежу. Кость в запасе есть, для баловства хватит. Я же не на продажу эти безделушки творю, сам знаешь, а так, для души...

– Спаси тебя Бог, тятенька, – обрадовался Василий. Он аккуратно завернул в тряпицу любимую костаную фигурку охотника с луком в руках и уложил ее на дно мешка.

Готовя какой ни наесть дорожный провиант, Аксиныя с грустью посматривала на Василия, украдкой смахивая непрошенную слезу. Ей жалко было расставаться с Васьком, как она с материнской нежностью называла сына. Как-никак, а подмога стареющему отцу и по хозяйству, и на промыслах. Вон в прошлом году какую нельму сам выловил! Все только ахнули... Э-эх, да что там говорить, хороший хозяин вырос бы из Васька, настоящий якут. Да ничего не поделаешь, если даже кинээс, староста наслег, просит родителей отпустить парня на учебу. Как знать, может оно и к лучшему. На все воля Божия!

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

Слегка скрипнув, открылась дверь, впустив в тепло избы-юрты вместе с колючими клубами мороза высокого бородатого человека. Сдернув с головы меховую шапку и обжав рукой заиндевевшую бороду, человек почтительно поздоровался с хозяевами. Минуту постояв под строгим взглядом Тимофея, мелко перекрестился ему в угоду на икону Богородицы в красном углу и без приглашения сел на грубо сколоченный, но прочный табурет, почему-то всегда стоявший у порога.

– Ну что, малец, собрался в дорогу? – заговорил человек хрипловатым голосом, дружески пожимая руку подскочившему к нему Василию. – Я вот попрощаться с тобой пришел. Свидимся ли когда еще?

– Свидимся, дядя Сережа. Конечно, свидимся! Я же только подучусь маленько да снова домой вернусь.

– Как знать, Васька? Парень ты до грамоты хваткий, мне в удовольствие было заниматься с тобой. Наберешься учености, глядишь – большим человеком станешь, с умными людьми спознаешься...

– Не доведи Господь! – недовольно пробурчал Тимофей. – Сам-то уж который год вымораживаешь свою ученость на Колыме. И сыну моему того же возжелать надумал? Ух, окаянная твоя душа! – взволнованный словами гостя Тимофей вплотную подошел к нему. – Василий за образованием по духовной части едет. Ему и бумагу рекомендательную на этот счет староста составил. Да ты же, поди, и выправлял ее?

– Правильно, Тимофей Платоныч, рекомендательное письмо Василию в Якутское миссионерское училище мы со старостой написали. Это верно. Но духовное образование, как бы вам объяснить... Его недостаточно, чтобы в полной мере понять происходящие в нашем обществе изменения, стать активным участником...

Тимофей недолюбливал ссыльнопоселенца Сергея Плетнева. Сознание бывшего студента одного из столичных университетов было безнадежно отравлено революционными идеями. Даже пятилетняя ссылка на Колыму не подействовала на него отрезвляюще. Верой и правдой отслужив положенный срок Царю и Отечеству в 42-м Якутском пехотном полку, получив тяжелое ранение под Плевной, Тимофей Оконешников не понимал политических бунтарей и относился к ним с нескрываемым презрением. «С жиру бесятся барчуки, – решительно обрывал он всякие разговоры о сочувствии ссыльным, которых, сменяя одного другим, приписывали к их наслегу на содержание. – Чего им не хватает за отцовскими спинами? Живи честно да трудом на жизнь добывай – тогда всего будет в достатке». Сергея он терпел только за то, что тот обучал грамоте сына Василия. А к умению читать и писать безграмотный Тимофей относился с большим почтением.

– Замолчь, шельма! Тоже, нашелся мне активист. Мало вас учит Колыма-то уму-разуму.

– Да не волнуйтесь вы так, Тимофей Потапыч. Это я ведь к слову. Василий сам разберется, что к чему. Он парень толковый, – примирительно улыбнулся Плетнев.

– Вот-вот, разберется без твоей политики... Садись лучше за стол, сейчас обедать будем.

– С превеликим удовольствием, – подмигнул Василию сразу повеселевший Сергей. – Спасибо!

...Обоз, с которым Василий Оконешников отправился на учебу в Якутск, ушел на следующий день. Полторы тысячи верст – путь немалый. Мороз, пурга, волчьи стаи неотступно сопровождали колымчан, пробивавшихся через снежные заносы в известном лишь проводнику Ивачану, направлении. Как этот старый якут ориентировался в безбрежной застывшей тайге – никто в обозе не ведал, полностью полагаясь на его опыт. Но добрались! Как-то на рассвете слух измученных, голодных, промерзших до костей путников уловил благовест с колокольни Спасского монастыря, приглашающий жителей Якутска к утреннему богослужению.

– Слава Богу, православные! Конец нашим мучениям, – старший в обозе Григорий Свешников снял с головы песцовый малахай и размашисто перекрестился. Его примеру последовали остальные мужчины, а Василий встал на колени в снег и стал читать краткую благодарственную молитву, которую он выучил по подаренному ему якутскими миссионерами Молитвослову.

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

– Вставай, Васька, вставай! Ехать надо. В городе намолишься...
 – Не мешай парню, – одернул нетерпеливого товарища Григорий Свешников. – Успеем, версты три осталось, не более.

2. Начало новой жизни

В Якутске Василий сразу направился в Спасский мужской монастырь, к наместнику которого и было у него рекомендательное письмо старшины родного наслега. Встретили в обители юного якута приветливо. Первым делом отвели в жарко натопленную баню. Василий долго и с удовольствием выгонял из себя березовым веником холод, который за долгий путь с Колымы до Якутска проник, казалось, в каждую клеточку его исхудавшего тела. Нестарый еще монах по имени Амвросий дал чистую рубаху и панталоны, сытно накормил Василия, потом налил в большую глиняную кружку горячего чая, заваренного какой-то душистой травой, и поставил на стол деревянные тарелки с клюквенным вареньем и медом.

– Вкушай, родимый, не стесняйся, – заботливо подбадривал монах Василия. – Умаялся в дороге, оголодал... Вон ведь из какой дали пришел в обитель Божию. Учиться, говоришь, есть желание? Это хорошо. У нас твоих ровесников много. Не заскучаешь. А сколько тебе годов, говоришь?

– С четырнадцати на пятнадцатый.

– О! В самый раз начинать грамоты набираться. Да ты, похоже, в ней уже разумеешь? Писать-читать научен?

– Как же, умею, – смущенно признался Василий, не желая показаться хвастливым.

Поблагодарив монаха за угощение, Василий вышел из-за стола и усердно помолился, чем очень обрадовал Амвросия.

– Молодец, родимый! Молодец! А теперь я отведу тебя в келию, где ты будешь жить со товарищами... И ложись отдыхать. Тебе надо хорошенько выспаться с дороги.

– А когда же меня запишут в училище? – озабоченно спросил Василий.

– Завтра и запишут. После утренней молитвы пойдем к отцу Стефану, он у нас главный по учебе, у него и запишешься в училище.

– Отец Амвросий, а вы тоже учитель?

– Да, родимый. Я веду уроки истории христианства, а еще несу послушание старшего воспитателя. За вашим братом присматриваю, чтобы не шалили лишнего, – улыбнулся монах. – А при нужде помогаю, чем могу. Так что если будут какие вопросы – обращайся.

Учеба Василию давалась легко, преподаватели были им довольны. О его способностях и прилежании узнал владыка Мелетий. Пригласив Василия после окончания училища к себе, он предложил ему место псаломщика в Вилюйском Николаевском соборе. Для юноши, только-только ступающего на путь служения людям и Богу, это было большой честью. А как обрадовался настоятель храма отец Иоанн Винокуров, давно испрашивавший у владыки помощника себе!

В Вилюйске Василий познакомился с мисс Кэт Марсден, приехавшей из Лондона в далекую Якутию обустроить лепрозорий – специальное поселение для больных проказой. Этой страшной болезнью в те годы страдали десятки местных жителей. В свободное от обследования больных время мисс Марсден охотно занималась с Василием изучением английского языка, к которому сразу полюбившийся ей смысленный псаломщик проявил редкое дарование. По ее предложению владыка Мелетий направил Василия Оконешникова в Казань для продолжения учебы в учительской семинарии и на миссионерских курсах при Казанской духовной академии.

– Будем ждать тебя, отрок, образованным священником, – напутствовал Василия владыка Мелетий. – Якуты добродушный, бесхитростный народ, не отрицающий нашу православную веру. Им только надо помочь, поддержать их духовное стремление. А пастырей у нас мало. Очень мало!

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

– Я обязательно вернусь, владыка, – Василий в пояс поклонился архиерею и подошел под благословение.

Годы учебы в Казани пролетели незаметно. Василий усиленно изучал не только богословскую науку, но и старался обрести как можно больше светских знаний, чтобы расширить свой кругозор, научиться отвечать на самые неожиданные вопросы. Кроме того, он продолжал совершенствовать свой английский язык, которым вскоре овладел в совершенстве. А еще Василий усердствовал в переводе на якутский язык церковных книг, понимая, что на родном наречии их смысл быстрее дойдет до сознания земляков.

Вернулся Василий в Якутск осенью 1898 года двадцатипятилетним православным священником, окрепшим физически и духовно. Епископ Якутский и Вилюйский Никанор охотно выполнил его просьбу о постриге в монашеское звание. Новонареченный иеромонах Алексей получает послушание миссионерствовать в городской второклассной церковно-приходской школе. Как и в прежние годы, он продолжает заниматься переводом на якутский язык богослужебных и душеполезных книг, поддерживает письменную связь с родителями. Через три года отец Алексей заслужил свою первую священническую награду – набедренник. Видя воспитанность, ответственность и порядочность молодого священника, владыка Никанор назначает его директором церковно-приходской школы и возлагает одновременное исполнение обязанностей казначея Спасского монастыря и эконома архиерейского дома.

Доверие, уважение, почет! Казалось бы, чего еще желать? Служи людям и Богу, будь этим счастлив. Но нет, довольствоваться теплым местечком было не по душе иеромонаху Алексею. Не такие они, Оконешниковы! Узнав из газет, что Императорский военно-морской флот объявил о наборе священников, знающих английский язык, отец Алексей загорелся желанием попасть на корабль. Испросив у владыки Никанора позволение посетить родной наслег, он с первым купеческим обозом отправился на Колыму.

– Решил – так поезжай, – одобрил желание сына стать корабельным священником Тимофей. – Нелегко, конечно, будет, но ты, как я погляжу, легкой жизни не ищешь. Похвально, сын! Это по-нашему. Храни тебя Господь! И нас с матерью не забывай...

– Васенька, да как же так? – запричитала Аксинья, бросившись на шею сыну. – Мы моря отродясь не видали, а страху-то про него наслышаны. Мало ли кораблей ушло в его пучину... Может, передумаешь, голубь мой?

– Нет, матушка, передумывать не стану. А вот беспокоиться обо мне нет нужды. Все мы под Господом ходим, как Ему угодно, так и будет. А с нас грешных что взять? Сгинуть и на суше можно. Знать, где упадешь, там бы соломку постелил. На все воля Божия, матушка. Не печалься, не пропаду.

3. Верность священному долгу

В то же лето отец Алексей уехал из Якутска. С большим трудом добравшись до Петербурга, он подал прошение в Морское ведомство, прошел положенные испытания и был зачислен корабельным священником в команду крейсера «Рюрик», входившего в состав отряда крейсеров эскадры Тихого океана. И снова в путь, через всю Россию...

К месту службы отец Алексей прибыл в конце 1903 года. Познакомившись с экипажем крейсера, который принял его очень радушно, он, как всегда, усердно приступил к выполнению своих повседневных церковных обязанностей. Слухи о возможной войне с Японией оставались пока лишь слухами, которым особого внимания не придавал никто. Более того, и офицеры, и матросы были уверены в превосходстве русского флота над японцами и в разговорах между собой со смехом представляли, как они будут топить самураев, если только они посмеют объявить войну России.

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

Но случилось непредвиденное. В ночь на 27 января 1904 года без объявления войны восемь японских миноносцев атаковали эскадру русских кораблей в морской крепости Порт-Артуре. В результате два наших лучших броненосца «Цесаревич» и «Ретвизан», а вместе с ними бронепалубный крейсер «Паллада» получили серьезные повреждения и вынуждены были встать на продолжительный ремонт. Командование флота приняло решение вывести оставшиеся корабли из Порт-Артура во Владивосток. Но неоднократные попытки сделать это к успеху не привели. Тогда из Владивостока на помощь погибающей эскадре поспешил отдельный отряд крейсеров «Россия», «Рюрик» и «Громобой». Но дойти до Порт-Артура им оказалось не суждено. На рассвете 14 августа 1904 года в Корейском заливе крейсера столкнулись с японской эскадрой, которая превосходила их и в численности, и скорости, и вооружении.

День 14 августа 1904 года занимался ясный, безветренный. Вахтенный офицер на крейсере «Рюрик» лейтенант Постельников привычно всматривался через бинокль в горизонт, как вдруг на северо-западе заметил четыре корабля. Они были очень далеко, и определить по флагам на мачтах их государственную принадлежность было невозможно.

– Может наши, а может, японцы, – засомневался лейтенант, докладывая о замеченной эскадре командиру корабля капитану первого ранга Трусову.

– Поднимайте на всякий случай команду и прикажите поднять сигналы для «России» и «Громобоя», – распорядился капитан, не отнимая бинокля от глаз.

Не прошло и часа, как всем стало ясно, что наперерез крейсерам идет японская эскадра. Уклониться от сражения уже было невозможно. На «России», «Рюрике» и «Громобое» затрубили боевые рожки, матросы быстро заняли свои места у орудий. Японцы приближались.

Вдруг с корабля «Идзума» раздался первый выстрел. Недолет! Наши крейсера тут же ответили ураганным огнем. Завязался жаркий бой. Последним в колонне шел «Рюрик», ему-то и доставалось больше других. Враг вцепился в могучий корабль мертвой хваткой. Снаряды решетили его борта, разрывались на палубе, уничтожая все вокруг, попадали даже в трюм. Появились первые убитые, то в одном, то в другом месте вспыхивали пожары. Но, несмотря ни на что, «Рюрик» и сам разил врага беспощадно. Это особенно раздражало японцев, и они направили на геройски сражавшийся корабль всю огневую мощь своей эскадры, решив, видимо, заставить его сдаться на милость победителю. Но не знал враг характер наших моряков, не представлял силу их духа, укрепляемую корабельным священником. Не обращая внимания на свист осколков рвущихся снарядов, перехватывающий дыхание едкий дым пожаров, отец Алексей помогал санитарам убирать с палубы раненых, утешал добрым словом умирающих... А то, высоко подняв над головой наперсный крест, неожиданно появлялся у орудий, одним своим видом вселяя в моряков бесстрашие и волю к победе.

– Батюшка!.. Батюшка!.. – метался по заваленной ранеными кают-компания обезумевший лейтенант Зенилов. Он стискивал руками пробитую осколком снаряда голову и страшно вращал невидящими, залитыми кровью глазами.

– Ваше благородие, успокойтесь, – пытался удержать лейтенанта на месте отец Алексей. – Да что же это за беда такая? Прилягте на диван, вам и полегчает...

Взрывной волной от разорвавшегося где-то совсем рядом снаряда отца Алексея отбросило к переборке. Сильно ударившись головой, он потерял сознание. Едва придя в себя, он сквозь адский шум неутихающего сражения услышал голос корабельного доктора:

– Батюшка, отец Алексей! Где вы запропалились? Бегите скорее сюда, командир умирает!

На корабле, давно уже потерявшем управление, происходило что-то ужасное. Окутанный паром из пробитых паропроводов, с развороченными снарядами бортами, горящей палубой, тут и там изуродованными телами убитых и раненых, которых не успевали убирать измученные санитары, «Рюрик» из последнего оставшегося действующим орудия изредка отстреливался от наседавших японских крейсеров.

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

К пятому часу непрерывного, невиданного по стойкости и мужеству моряков «Рюрика» сражения место командира корабля по старшинству занял уже трижды раненый лейтенант Константин Петрович Иванов. Здраво оценив обстановку, он понял, что крейсер спасти не удастся. Оставалось два выхода из создавшегося положения: сдаться в плен японцам или затопить корабль. Но мог ли офицер Российского флота помыслить о сдаче на милость врагу? Конечно нет!

Оставшимся в живых членам экипажа было приказано собраться на верхней палубе. Тяжело раненных вынесли из лазарета, кают-компаний и других помещений, где им оказывалась медицинская помощь. Лейтенант Иванов объявил о своем решении затопить крейсер. Никто не возражал, наоборот, со всех сторон слышались слова поддержки и одобрения.

– Исповедаться бы перед смертью, батюшка, – сначала робко, а потом все громче и громче стали раздаваться просьбы моряков.

Отец Алексей, тяжело раненный в руку, преодолевая боль начал общую исповедь. Среди крови и стонов это была страшная картина. Кто-то крестился, кто-то тянул к священнику руки, кто-то, не имея возможности двигаться, смотрел на него полными слез глазами, уцелевшие от осколков матросы опустили на колени и молча слушали...

– Всем за борт! – срывающимся голосом выкрикнул лейтенант Иванов. – Спасайся кто может! Открыть кингстоны!

Океанская вода хлынула в трюм и без того глубоко осевшего крейсера. Медленно и уже неотвратимо «Рюрик» стал погружаться в морскую пучину, все выше задирая свою носовую часть. Привязывая друг друга к деревянным обломкам, матросы бросались за борт, стараясь подальше отплыть от тонущего корабля, чтобы не быть затянутыми в воронку. Кто был еще в силах, поддерживали доски с ранеными.

Отец Алексей хотел до последнего момента вместе с командиром оставаться на корабле, но лейтенант Иванов, не слушая возражений бесстрашного священника, под рясой которого недаром была надета тельняшка как символ храбрости и стойкости души моряка, привязал его к обломку бруса и толкнул за борт. Сам лейтенант, подняв к развевающемуся на чудом уцелевшей мачте Андреевскому флагу сигнал «Погибаю, но не сдаюсь!» последним оставил с честью ушедший от врага геройский крейсер «Рюрик».

4. Возвращение в Россию

Получив в том неравном бою серьезные повреждения, крейсера «Россия» и «Громобой» с трудом дошли до Владивостока, где были поставлены на продолжительный ремонт, а уцелевших моряков с крейсера «Рюрик» с большими почестями из уважения к их героизму, проявленному во время сражения, крейсер «Идзума» доставил в японский порт Сасебо. Это был плен, но не для всех. Согласно морским традициям, священников и врачей в плен не брали ни на море, ни на суше. Зная об этом, лейтенант Константин Петрович Иванов, оказавшись в одном лагерном помещении с отцом Алексием, решил передать с ним в Санкт-Петербург докладную записку для государя императора о причинах поражения Владивостокского отдельного отряда крейсеров и гибели «Рюрика».

Воспользовавшись относительной свободой передвижения и благожелательным отношением японцев к пленным морякам, лейтенант сумел раздобыть чистую бумагу и карандаш. Написать записку много времени не потребовалось.

– Отец Алексей, у меня к вам будет большая просьба, – поздно вечером, когда все уже уснули, прошептал на ухо священнику Константин Петрович.

– Слушаю, ваше благородие, – охотно отозвался не спящий еще священник. – Чем могу быть полезным для вас?

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

Поняв, что от него требуется, отец Алексей размотал повязку на раненой руке и спрятал под нее принесенные лейтенантом бумаги. Японцам и в голову не пришло, что вместе с корабельным священником они выпустили в Россию важные военные сведения, которые вскоре были переданы по назначению.

В Санкт-Петербурге иеромонаха Алексея (Оконешникова) встретили как героя. По ходатайству Синода Русской православной церкви он торжественно был награжден золотым наперсным крестом на георгиевской ленте, а великий князь Константин Константинович и его сестра великая княжна Ольга Константиновна рекомендовали отца Алексея в настоятели начавшего строиться в российской столице на Николаевской набережной Храма-на-Водах в память о моряках, погибших в Русско-японскую войну.

Казалось, все в жизни отца Алексея складывается как нельзя лучше. Он честно служил Богу и людям, совершенно не замечая окружающих его славы и почета. Но нашлись злые завистники. По своему характеру отец Алексей никогда и ни с кем не ссорился. Он был умным, добросердечным человеком, умеющим спокойно прощать своих врагов, как заповедовал всем нам Иисус Христос. Уехав в далекий азиатский городок Зайсан, он стал священником войсковой церкви, чем и был очень доволен. К тому времени родители его умерли, из старых знакомых в Якутии никого не осталось, а потому и возвращаться туда он не решился. Последние годы жизни иеромонах Алексей (Оконешников) провел в городе Томске, где преподавал Закон Божий в духовной семинарии.

Нередко погожими вечерами отец Алексей выходил к воротам своего небольшого домика на окраине города, садился на скамейку и вспоминал давно минувшие дни. А в ушах нет-нет да и зазвучит щемящий душу напев известной всем морякам песни:

*Плещут холодные волны,
Бьются о берег морской...
Носятся чайки над морем,
Крики их полны тоской...*

*Миру всему передайте,
Чайки, печальную весть:
В битве врагу не сдались мы,
Пали за русскую честь!*

Вот и весь рассказ о славном якуте-герое – иеромонахе Алексии (Оконешникове). Остается только добавить, что место гибели крейсера «Рюрик» включено сегодня в число памятных мест славных побед и героической гибели кораблей русского и советского флота. В точке с координатами 35°11' с. ш. и 130°8' в. д. все российские корабли в память доблестного боя 14 августа 1904 года отдают воинские почести, предусмотренные Корабельным уставом.

НОВОГОДНЕЕ-РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Дмитрий Ильин

(МОССАЛИТ, Москва)

НОВОГОДНИЕ ПЕСНИ

СНЕГОВИК-БЛЮЗ

1

Зимней ночью снег
скрипит
В поступи тяжелой:
В синих тапках – снеговик!
Ну куда пошел он?

Двор под фонарем искрит,
Шашечками окна...
Снеговик всюю шалит!
Вместо носа – свёкла.

2

Перепутала метла
Звезды, лед, снежинки...
День давно сгорел дотла,
А сверкают – льдинки.

На заборе, на кустах,
На хвостатой свёкле...
Топтуну неведом страх –
Это чувство блёкло!

3

Ночь отчетливо скрипит,
Напевает вроде...
Расшалившись, снеговик
В синих тапках ходит!

СНЕГОВИК-БЛЮЗ

Музыка и стихи Дмитрия Ильина

Музыка и стихи Дмитрия Ильина

Зим - ней ночь - ю снег скри - пит
в по - сту - - - пи тя - жё - лой:
в си - них тап - ках сне - го - вика!
Ну ку - да по - шёл он?
Двор под фо - на - рём ис - крит,
ша - шеч - ка - ми ок - на... Сне - го - вика во
всю ша - лит! Вмес - то но - са
свёк - - - ла. хо - - - дит! XXVI.12

СНЕГОВИК-БЛЮЗ

Музыка и стихи Дмитрия Ильина

Музыка и стихи Дмитрия Ильина

Зим - ней ночь - ю снег скри - пит
в по - сту - - - пи тя - жё - лой:
в си - них тап - ках сне - го - вика!
Ну ку - да по - шёл он?
Двор под фо - на - рём ис - крит,
ша - шеч - ка - ми ок - на... Сне - го - вика во
всю ша - лит! Вмес - то но - са
свёк - - - ла. хо - - - дит! XXVI.12

НОВОГОДНЯЯ ПЕСЕНКА

1
В ночь на Новый добрый год утихает город.
Дед Мороз звезду зажжет и поднимет ворот...
Нос прихватит и глядит: будешь ты в обиде?
Кто на шалости сердит – Деда не увидит.

2
Сквозь узор окна огни радугой на елку!..
Подыши, к стеклу прильни, приморозив челку.
Там Снегурочка поет чисто так и тихо,
Что стихают здесь разброд и неразбериха.

3
Светлый Ангел входит в дом сказочною ночью.
Что искрится за плечом? – Погляди воочию:
Белокрылая любовь – оттого светает!
Изумленно выгнув бровь, свечи с треском тают...

4
Всех чудеснее потех Новый год морозный!
С веток сыплет чистый смех, никогда не поздний.
Дворик праздничный цветет – разукрасил холод!..
В ночь под Новый звездный год затихает город.

НОВОГОДНЯЯ ПЕСЕНКА

Музыка и стихи Дмитрия Ильина

В ночь на Но - вый доб - рый Год
у - ти - ха - ет го - род.
Дед Мо - роз звез - ду заж - жёт
и под - ни - мет во - рот... Нос при -
хва - тит и гля - дит: бу - дешь ты во -
би - де? Кто на ша - лос - ти сер -
дит Де - да не у - ви - дит. XXXVIII.2

НОВОГОДНЯЯ ПЕСЕНКА

Музыка и стихи Дмитрия Ильина

В ночь на Но - вый доб - рый Год
у - ти - ха - ет го - род.
Дед Мо - роз звез - ду заж - жёт
и под - ни - мет во - рот... Нос при -
хва - тит и гля - дит: бу - дешь ты во -
би - де? Кто на ша - лос - ти сер -
дит Де - да не у - ви - дит. XXXVIII.2

НОВОГОДНЯЯ БЫЛЬ

Было уже начало одиннадцатого, а я еще только подходил к дому. Сперва душ, побриться-одеться, потом проводить старый год...

В лифте еле уместился вместе с крепкой широкоплечей Снегуркой с большущим мешком за спиной. Из мешка выглядывал совсем уже готовый Дед Мороз, напевавший:

– Я-аблоки на снегу-у-у... – остальной текст не получался.

– С Новым годом!

– И вас также! – хрипло отозвалась Снегурка, пытаюсь разглядеть часики на левом запястье.

– Вам какой?

– А Дед Мороз его знает... – и она профессионально подкинула спиной мешок.

– Я-аблоки на снегу-у-у... – глухо отозвался старший.

– Да вы поставьте мешок-то!

– А потом?

– Что, совсем неходячий?

– Совсем уже. Со среды ходим. На сегодня – всё.

– Так хорошо, наверное, еще неделя каникул – и гуляй без НДС!..

– Как же! Дед волшебный посох потерял. Вычтут – ладно, а как без него обратно возвратиться?

– В смысле?

Снегурка как-то странно глянула и усмехнулась:

– Догадайтесь с трех раз!

Меня посетила такая дикая мысль, что я головой затряс.

– Правильно.

Лифт на моем этаже открылся.

– Э... Нажать последний?

– Спасибо, я сама.

Двери закрылись, я полез в карман за ключами, и тут вдруг как-то дошло, что лифт ведь никуда не уехал! Боясь не ошибиться – нажал погасшую кнопку.

– Я-аблоки на снегу-у-у... – еле слышно донеслось из какого-то прекрасного далёка...

Двери разошлись – лифт был пуст.

Алёна Лебедева. Петухи. Акварель, 2016 г.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Елена Рощина (Москва)

Новогоднее поздравление

Новый год стучится в двери!
Он придёт к нам сквозь метели.
Даже если льют дожди,
Он наступит, только жди!

Звёзды на небе зажгутся,
Как на ёлке огоньки.
Все друг другу улыбнутся
И забудут
про свои огорченья и печали.
Ели лапы распушат,
Одеваясь в свой наряд.

Бьют часы,
Но мы успеем
Пожелать вам всем подряд:
Добрых мыслей, пожеланий,
Общих дружеских стараний,
Чтоб уютным стал наш дом!
Чтобы вместе жить нам в нём,
Чтоб здоровья нам хватило,
И прибавилось бы силы!

Так поднимем же бокалы
За надежды и успех!
Пусть же радость улыбнётся
И разделится на всех!

Мышонок и его бабушка

В прошлую среду,
После обеда,
За окнами дождь моросил.
Серый мышонок,
Потянувшись спросонок,
У бабушки старой спросил –
– Скажи мне, родная,
А речка какая?
Хочу на неё я взглянуть!
Выйдя из норки,
Спуститься с пригорка,
И дальше отправиться в путь.
– Милый внучонок,
Серый мышонок, –
Ответила бабушка-мышь, –
На улице лужи,
Будешь простужен.
Спи, почему ты не спишь!
Спи, дорогой,
Глазки закрой,
Сказку тебе расскажу.
Утро придёт,
Дождик пройдёт,
Тогда я тебя разбужу.
Вместе из норки
Дойдём до пригорка,
И по реке поплывём!
Увидим ромашки,
Медвяные кашки,
И песню, конечно, споём.

Кошка и мышонок

Вышла кошка поутру
Прогуляться по двору.
Вдруг увидела мышонка.
– Не встречал ли ты котёнка? –
Говорит она ему.
Отвечал мышонок кошке:
– Не видал я вашей крошки.
Здесь гуляю я с утра.
Мне домой идти пора.

Весёлые мышки

Жили-были вместе мышки –
Две веселые подружки.
По ночам читали книжки,
Лёжа рядом на подушке.
А под утро, подремавши,
Пили мыши молоко,
Ели сыр и простоквашу
И вздыхали глубоко.
А потом, надевши шапки,
Мышки по лесу ходили.
С лапок сняв тихонько тапки,
Мышки кошку сторожили.

Батон и Булка

Как-то раз Батон и Булка
Вышли утром на прогулку.
И, гуляя по бульвару,
Повстречали кошек пару.
Кошки дружно сняли шляпы.
Им пожала Булка лапы,
И отвесил им поклон
Чёрный вежливый Батон.
Дальше Булка и Батон
Посетили павильон.
В павильоне жил Питон.

Он в тарелках дал бульон.
После сытного бульона
Вышли вон из павильона
Растолстевший вдруг Батон,
Булка, Пончик и Питон.
И отправились в кино
Угощаться эскимо.
После фильма и прогулки,
Уложив в кроватку Булку,
Песню вечером Батон
Пел под старый патефон.

Жук

Жук желал лететь на юг.
Приземлился он на луг.
Воробья увидел вдруг,
Разобрал жука испуг!

Ветер шевелит цветочки.
Спрятался жучок за кочки
На зелёном листочке:
«Подожду-ка я до ночки!»

Пугливый жираф

К нам вчера пришёл жираф.
Сунул голову за шкаф,
А в шкафу щенок сидел.
На жирафа он глядел
И залаял вдруг из шкафа,
Страшно напугав жирафа.
И подпрыгнул наш жираф
Высоко! На старый шкаф!
Мы не можем снять со шкафа
До сих пор того жирафа.

Розовая страна

Розовое дерево
В розовом саду.
Я его, наверно,
Когда-нибудь найду.
Там розовое солнце
Светит по утрам,
И розовые птички
Прилетают к вам.
Там можно покататься
На розовом коне
И в речке искупаться.
В розовой воде!
Гуляют там коровы
По розовым лугам.
И розовые травы
Растут по берегам.
Там розовые бабочки
Танцуют в тишине...
Все это я увижу
В розовом стекле.

Ученик

Встал я утром спозаранку.
Выпил чаю, съел баранку,
Потянулся и зевнул.
Джинсы, свитер натянул.
Три минуты гладил Мурку,
Слушал вальс, потом мазурку.
Разобрал в углу завал,
С самосвалом поиграл.
Позвонил соседу Мишке,
Полистал две толстых книжки.
Двух солдатиков нашёл.
К брату в комнату зашёл,
Там искал свою линейку.
А потом звонил Андрейка.
Говорили о собаке
И вчерашней с Петькой драке.
Посмотрел в альбоме марки.
Помечтал о зоопарке,
Съев большое эскимо.
Пять минут глядел в окно,
И решил портфель собрать:
Положил букварь, тетрадь,
Ручку, яблоко, пенал.
Всё как будто бы собрал!
Выпил чаю, съел пирог
И помчался на урок
Через двор, по переулку,
На ходу кусая булку.
Добежал до поворота.
Вот и школьные ворота!
Только прыгнул за порог,
Громко прозвенел звонок!
Всю дорогу я бежал!
Почему же опоздал?

Игра

Я скучаю у окна.
Потому, что я одна.
Мамы с папой дома нет.
Мне оставили обед,
Разрешили поиграть
И немножко погулять.
Раз, два, три, четыре.
Очень скучно мне в квартире.
Раз, два, три, четыре, пять.
Надо Иру приглашать!
Позвоню скорей соседке.
Встану я на табуретку
И открою Ире дверь.
Поиграем вместе с ней:
Пять, шесть, семь, восемь.
Пусть для нас наступит осень:
Дождик сильный вдруг пошёл!
Льёт из лейки хорошо!
На паркете всюду лужи.
Значит, мамин зонтик нужен!
Девять, десять,
Одиннадцать, двенадцать.
Фантазировать стараться
Будем с Ирой мы вдвоём.
Новую игру начнём:
Цирк приехал в гости к нам.
Тигр, львы, гиппопотам!
Тринадцать, четырнадцать,
Пятнадцать, шестнадцать –
Будут клоуны считаться.
С ними вместе кувыркаться
Очень весело Иришке,
Мне и плюшевой мартышке!
На арену вышел слон.
Очень этот слон умён.
Любит слоник цифры, счёт.
Нам считалку задаёт:
Семнадцать, восемнадцать,
Девятнадцать, двадцать.
Два десятка насчитали!
Очень сильно мы устали.
Всё скорее уберём
И с вареньем чай попьём.
А потом гулять пойдём!

Анна Народицкая (МОССАЛИТ, Москва)

Новый год

В доме пахнет пирогами,
И слюной наполнен рот,
Потому что этой ночью
Наступает Новый год!

Белой скатертью нарядной
Новогодний стол накрыт.
Вижу торт я шоколадный!
Ох! Растет мой аппетит!

В шуме праздничной программы
Загляну-ка я в буфет,
А потом спрошу у мамы,
Сколько можно мне конфет.

Ёлка в шариках сверкает
И искрится мишурой!
Жаль, что Новый год бывает
Только зимнею порой.

Как гирлянда светит ярко!
Синий, красный, золотой.
Там, под ёлкою, подарки,
Вот бы знать: который мой?

Спать никто уже не ляжет,
Даже все наоборот –
Президент нам что-то скажет...
И двенадцать раз пробьет.

А когда пробьют куранты,
К нам приедет Дед Мороз!
Будут игры, песни, фанты,
Борода и красный нос!

Даже черный кот-проказник
Хорошо себя ведет.
До чего ж хороший праздник!
Как люблю я Новый год!!!

Зинаида Кокорина (МОССАЛИТ, Москва)

Бабушкино солнышко

(колыбельная)

Я очень люблю засыпать, когда рядом мама или бабуля. Но мама почти всегда спешит, у неё много дел. «Спокойной ночи, малыши!» – говорит она. Так называется передача для малышей, и это значит, что детское время кончилось и пора спать.

Мама чмокает меня в нос: «Спи, мужчина!». А это значит, что она мне доверяет и что я должен быстро сам заснуть.

Сегодня со мной бабушка. Она привычно поправляет на мне одеяло и присаживается рядом.

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

– Спи, солнышко моё...

Мне нравится, что она называет меня солнышком. Я си-и-льно зажимаю глаза.

– Зачем ты так делаешь? – улыбается бабушка.

– Ну я же солнышко... чтобы лучики не мешали мне спать. А ты споешь мне сказку про Покой? Пожа-а-луйста!

– Хм... Про Покой, так про Покой...

Глаза бабушки смеются, а тёплая ладонь ласково поглаживает мою голову. Когда я прошу бабушку спеть мне колыбельную, она шутя ворошит мои волосы и напоминает, что мне уже (!) четыре года. Но иногда, как сегодня, бабушке, наверно, приятно вспомнить меня совсем маленьким. Её не надо уговаривать. Я жду... и бабушка поёт:

– Баю-бай, баю-бай...

Спи, мой мальчик, дорогой.

Солнце скрылось за горой.

По земле бредёт Покой,

Охраняет сон ночной.

По земле бредёт Покой,

Гладит ласковой рукой.

Дремлет ветер озорной,

Не шумит народ лесной:

В гнёздах птички чутко спят,

В норках ёжики сопят.

Белки спрятались в дупло,

Им уютно и тепло.

В тёмном море тишина,

Шепчет песенку волна.

Рыбки все легли на дно.

Спать и нам пора давно.

Баю-баюшки, бай-бай,

Спи, малыш мой, засыпай.

Пусть твой сон хранит Покой,

Спи, внучок мой дорогой.

Баю-бай, баю-бай...

...И лучики в моих глазах засыпают. А может быть, и не засыпают... Они всю ночь охраняют мой сон, а под утро возвращаются к солнышку, чтобы на рассвете опять улыбнуться мне.

– Баю-баю, баю-бай...

Ворона и лисица

(новогодняя байка)

Следы терялись под сосной
с высокой пышной кроной,
с ажурно-снежной бахромой
на ветке под вороной.

Победно каркающий крик
вспорхнувшей к небу птицы
обескуражил лишь на миг
пыл хищницы-лисицы.

На крону мельком бросив взгляд,
лиса под снег присела,
как бы украсить свой наряд
накидкой снежно-белой:

«Как досадила ты меня!
Испытывала силы?
Водила по следам три дня...
Считай, перехитрила!

Теперь я звука не издам –
замру, как статуэтка.
Полюбопытствуешь... тогда
и берегись, соседка!»

Ворона топала, сердясь,
летели хлопья с веток...
Лиса терпела, затаясь,
лежала без ответа.

Ей становилось всё теплей
под снежным покрывалом,
уютно, как в норе своей...
Да так и задремала.

И видит сон: знакомый Дед –
снег на усах, на шапке –
ей дарит лакомый обед...
и крылышки, и лапки!

Встречал под ёлкой Новый год
лесной народ задорно!
Все ждали, что придут вот-вот
лисица и ворона...

Следы терялись под сосной...
Лисице сладко спится.
Бросая с ветки взгляд косою,
всё ждёт подвоха птица.

Скоро Новый год

Скоро Новый год наступит.
Нас уже подарки ждут:
Игры новые нам купят
И гостинцы принесут!

С мамой пишем мы посланье,
Чтобы Дедушка Мороз,
Новогоднее желанье
Нам под ёлочку принёс.

Нарядили ёлку сами:
«Приходи к нам, Новый год,
С песнями и со стихами,
Здесь устроим хоровод!»

Сколько раз за день мы тайно
Прижимаем к раме нос:
Не проехал бы случайно
Мимо дома Дед Мороз.

Маму мы сто раз спросили:
«Скоро будет Новый год?
Мы его не пропустили?
Ну когда же он придёт?..»

Год Петуха

...И вот на смену Обезьяне
идёт Петух – десятый знак,
жизнелюбивое создание,
певец рассвета, года – маг.

Петух-герой: на крыше дома
оберегает твой покой.
Он целый год – хозяин трона,
советчик и защитник твой.

Он может быть эгоистичным,
прямолинейным... Иногда
бывает даже эксцентричным,
но заурядным – никогда.

Петух небрежности не терпит:
любитель внешностью блеснуть.
Хороший семьянин, но метит
к соседке в гости заглянуть.

Он труженик неутомимый,
и помыслы его чисты.
В стремлении достичь вершины
он дружбы создает мосты.

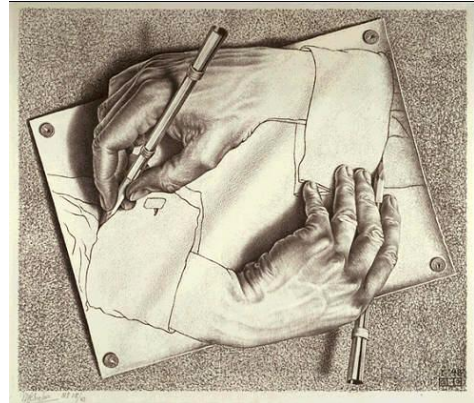
В год Петуха родится добрый,
лояльный, честный человек.
Он реалист – это поможет
ему к карьере взять разбег.

Алёна Лебедева. Петухи. Акварель, 2016 г.

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

Ольга Кащенко
(Москва)

ВЫЖИВШИЕ.

ТРИЛОГИЯ ПРО МУЖСКОЙ ШОПИНГ

День первый: начало начал

Мужик нынче пуганый пошел. Особенно у кого в анамнезе семейная жизнь. Шарахается от всего, включая шопинг. А нам шопинг был нужен, просто жизненно необходим, потому как Дмитрипалыч порвал последние годные джинсы. Говорит надысь:

– Ольг Сергевна, на мне джинсики треснули. Как в лабутенах (клип Шнура «Экспонат» – прим. авт.), только чуть пониже. Нужно новые купить.

– А с остальными чё, – спрашиваю (и ржу, конечно).

– Остальные, – говорит, – уже не налезают почти.

Ну, думаю, откормила: скоро дверные проемы придется расширять, а мы еще старый ремонт не закончили.

– И поеду я, – продолжает, – в выходные на рынок «Садовод», там есть все! – И стоит такой отважный, как мореплаватель. Ну хренли – сам-один! на шопинг! на рынок «Садовод»!

– Дмитрипалыч, – говорю, – яхонтовый мой, долбанись головой о подоконник, какой, к черту, «Садовод»? Что за нелепые фантазии?

В общем, долго ли коротко, сошлись на совместной поездке в торговые центры. Мне пришлось применить все навыки дипломатии, лести, подкупа и шантажа. Ну, типа: будешь себя плохо вести, сама тебе куплю кардиган гейский («гейский» не в смысле ориентации, а вот есть такие вещи – по-другому не назовешь).

И вот что я вам скажу, ребяташки. Шопинг с мужиками – это какой-то занятный трэш. Сначала ему нужно поесть, чтобы набраться сил. Потом выпить пива, чтобы морально подкрепиться. Затем прицельно и длительно игнорировать полезные советы (защитная реакция, дело ясное), потому что «мне нужна только белая куртка, ну такая не чисто белая, а как бы молочная, и не из болоньи, а такая как бы прорезиненная, и чтобы короткая и с капюшоном, потому что у меня уже была такая и мне нужно такую еще раз». И свитер с оленями, да.

Короче, на свитере с оленями меня прорвало.

– Дмитрипалыч, – говорю, – свитер с оленями хорош, чтобы встречать в нем Рождество в компании друзей подле камина где-нибудь в американском фильме или если ты геолог. А если ты геолог, то отращивай бороду и шуруй в экспедицию камушки собирать... Изгиб гитары желтой и вот это все. Или не делай мне мозги и пошли выбирать нормальную одежду (в процессе дипломатических вывертов мы посовещались, и я решила, что Дмитрипалычу нужно не просто джинсики, а вообще сменить стиль, как бы обновить гардероб в целом).

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

В общем, целый вечер до закрытия ТЦ мы занимались шопингом, я через два часа уже зеленая была. А Дмитрипалыч радуется: «Ой, – говорит, – как здорово, как здорово мы с тобой ходим, все спокойно выбираем, если б с Кристиной был (бывш. жена – прим. авт.), уже б через полчаса разосрались, и я б за пивом убежал». А я думаю: «Угу, спокойно, как же; да если б ты, мужик, был мой мужик, а не сокамерник и друг, я б тебя уже рубашкой придушила прямо в примерочной». Ну потому как реально надо титанические усилия прикладывать, терпение это бесконечное, женскую, как ее, мудрость из разряда «а вот в этом прикольно с девицами на свидания ходить, сразу такой красаучек будешь, прям сразу видно – мужик, а не какой-то метросексуал поганый».

Дмитрипалыч входит во вкус, примеряет все, что дают: это хочу, это не хочу, плечи расправляет, живот втягивает, крутится перед зеркалом всяко-разно. А я стою с кучей шмоток в обнимку и думаю: «Да мое ж ты яблочко наливное, да едрит твою медь!»

А сегодня – продолжение банкета, и не исключено, что завтра тоже. Потому что мы еще не все выбрали. И потому что я тоже вошла во вкус.

Второй день шопинга: ожидания и реальность.

Ожидания

Мы легко и непринужденно, как на ромашковом лугу, порхаем по отделам. Дмитрипалыч после промывки мозгов открыт для новых веяний и трендов, а Та Самая Рубашка, Те Самые Джинсы и, хрен с ним, свитер с оленями (все правильных размеров) находятся сами собой. Ну потому как в первый день мы основательно присмотрелись и осталось делов-то – тщательно перемерить и оплатить. Продавцы-консультанты зачарованы и влюблены; они всплескивают руками – им никогда не показывали таких гармоничных покупателей, и чтобы прет-а-порте сидело как влитое. На все про все у нас уходит полтора часа, и мы еще успеваем в «Летуаль» за ништяками для меня и в какой-нибудь отдел за брючками цвета марсала с завышенной талией. Мы обвешаны пакетами с ног до головы, но при этом, не теряя осанки, выбегаем, взявшись за руки, румяные и счастливые, на улицу, как в рекламе любого ТЦ – да, мы закрыли этот гештальт. Сияние чистого разума и легкость бытия в одном флаконе. Финал, титры.

Реальность

Тут есть две версии – короткая и развернутая. Версия короткая: я этот шопинг на вертеле вертела.

Версия развернутая: я этот шопинг на вертеле вертела. Предваряя ваши сомнения, сообщаю: у меня есть огромный виртуальный вертел размером с девятиэтажку (представьте типовой и увеличьте пропорционально), и я на нем верчу все, что мне не нравится. Вот шопинг, например.

Ехать на машине было моим тактическим провалом. Если мужик за рулем, мужика пивом не заправить. Вычеркиваем легкость бытия и удачный финал в целом. Девицы, не повторяйте моих ошибок и имейте в виду: на трезвую эту делюгу не повернуть, даже не старайтесь.

Все пошло не так начиная с обувного. Я заранее выписала артикулы, я сверила на сайте наличие моделей в конкретном магазине, и если вы думаете, что у нас все получилось, можете быть уверены – это не так. Почти хрестоматийное: фигня ваш маркетинг, потому что в финале прыщавая щербатая девочка будет решать, пойдут у вас продажи или нет. Как оказалось,

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

наличие моделей надо уточнять по телефону (я на сумасшедшую похожа, чтобы звонить в двадцать первом веке в интернет-магазин по этому вопросу?), и вообще, не она этот сайт придумывала, и вот конкретно этой модели у них вообще в магазине никогда не было.

И вот знаете, как-то сразу все померкло. Ты стоишь как гуано с заветными артикулами, а нужной модели нет и никогда тут не было. Дмитрипалыч что-то лопотал, что тут еще много всего, охренеть какой выбор. А что выбор, если нет Той Самой Модели? Нет, говорю, Дмитрипалыч, пошли отсюда; я рекламу магазина на фейсбуке увидела, человек старался, таргетинг настраивал, я перешла на сайт, мне все понравилось – и вот он я, лояльный покупатель с баблом наперевес, стою в хреновом магазине, а модели нет и не было. Срамота!

Для виду заглянули в пару отделов, а вот все, настрой сбит, пивом не поправить, и вечер прожит зря. И «Летуаль» накрылся медным тазом, ну потому как, само собой, я не взяла старый бутылек бибишки, а эти негодяи (в смысле, чудесные производители того, чего мне надо) чего-то там изменили в дизайне бутыльков.

Пыхтя и проклиная все на свете, я затарилась курицей-гриль и другими ништяками, и мы поехали заедать наше горе домой. А в тот ТЦ мы больше не поедим, чертово место. Никакой марсалы, никакой завышенной талии, сплошная ерунда болотного цвета и синие джинсы с низкой посадкой.

Впрочем, не переключайтесь, завтра мы твердо намерены всех победить. И никакой, к черту, машины.

Третий день шопинга: я сделаю!

Луки делать не стали, Дмитрипалыч весь трясется и отпаивается пивом, хотя в процессе шопинга я заправляла его дважды. Ребзя, эта схема работает, главное – вовремя водить мужика на дозаправку (примерно 1 раз в 1,5 часа). При таком грамотном раскладе мы сегодня побывали в трех (!) торговых центрах, и Дмитрипалыч никого не расстрелял из перфоратора, и вообще все сложилось в елочку, как вчера в ожидании: вещи нужного размера находились сами собой, продавцы-консультанты были влюблены и зачарованы, и мы выбегали, румяные и счастливые, увешанные пакетами с ног до головы, как в рекламе любого ТЦ.

Дмитрипалыча настолько ранило шопингом, что по дороге домой он робко уточнил, а можно ли ему сегодня дома больше не примерять все, что мы купили? Это же говорит, капец какой-то, машину легче купить, да хренли ее там покупать – пришел, она стоит, понравилась, купил. Даже телефон легче купить. Но ве-е-ещи! Дмитрипалыч, говорю, ты можешь даже пакеты не разворачивать. Можешь даже в коридоре их побросать, и черт с ними. Можешь даже не ужинать и в душ не ходить. Тебе сегодня можно все, Дмитрипалыч, я разрешаю.

И вот мы, свободные и счастливые: Дмитрипалыч пытается выйти из астрала, а я точку суши (целый сет! в одну каску!) и строчу завершающий пост этой трилогии, несмотря на то что мы так и не зашли для меня в «Летуаль» и даже не попытались найти брючки цвета марсала с завышенной талией. Что дает мне повод задуматься о двух вещах: 1) а может, ну их, эти брючки? 2) а не продолжить ли нам шопинг, но уже по телочьим штучкам, м-м?

НОВОГОДНЕЕ-РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Ян Кауфман

(МОССАЛИТ, Москва)

НОВОГОДНИЙ СЮРПРИЗ

Из вагона поезда Гриша вышел навеселе, забыв в купе шапку, зато из одного кармана куртки торчала начатая бутылка «Столичной», а из другого – недоеденная курица в фольге. Москва встретила его снежной метелью, предпраздничным гвалтом и суетой спешащей толпы – до Нового года оставалось каких-то пара часов.

На привокзальной площади стояла большая елка, украшенная переливающимися гирляндами, оглушающе звучала веселая музыка, под которую народ тащил елки, шампанское и торбы со всякой снедью.

– Да, перепил я с этими попутчиками! Не зря говорят, что артисты пьют как лошади!

Почувствовав холод, Гриша машинально полез поправить шапку и только тут сообразил, что забыл ее в вагоне. «Да разве теперь найдешь тот вагон?» – мелькнуло в замерзшей и плохо соображающей голове.

Шатаясь, он дошел до телефонной будки, с трудом отодвинул задом примерзшую дверь и протиснулся внутрь. Вытащив из кармана поллитровку, Гриша нашел двушку.

К его удивлению, телефон сработал:

– Оль! Это я, Гришаня. А я уже тут, на Каланчёвке. Скоро буду. Ж-ж-жди!

– Гриш! Ну молодец, давай скорей. Я тебе такой сюрприз приготовила!

Он постоял, с трудом соображая, мысли путались в голове: насчет какого-то сюрприза и Ольги, по которой соскучился за командировку, насчет праздничного стола, который наверняка уже накрыт, и вконец замерзшей башки. Потом вытащил из-под воротника куртки мохеровый шарф и, нацепив его, словно косынку, завязал узлом под подбородком. Не забыв поллитровку, осторожно, не спеша попытался выйти из будки и вдруг, почувствовав под ногами лед и рефлекторно повиснув на дверной ручке, самокритично ругнулся:

– Во, блин, нажрался! Как свинья!

– Да, нажрался прилично! – поддакнул кто-то рядом.

Услышав чью-то поддержку, Гриша начал крутиться во все стороны, не отпуская спасительную дверь. Наконец сквозь заиндеветшие от его суматошного дыхания стекла очков, он увидел мужика, сидящего напротив, на мраморном ограждении подземного перехода, с бутылкой «Жигулевского».

– Да отцепись ты, очкарик, от будки, садись рядом. Как тебя звать-то?

И, не дождавшись ответа, предложил:

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

– Хошь пивка?

Схватившись за протянутую ему руку, Гриша скользнул по льду и оказался рядом с мужиком. Через двадцать минут знакомства обе бутылки были уже пусты, курица доедена, а собутыльники не спеша, с трудом вели разговор.

– Это, Гриш! Нет, ты сам таперича до дома ни хрена не дойдешь. Ты хочь адрес свой помнишь?

– А на кой хрен мне адрес? Я и так по азимуту найду. Мне жена, какой-то сюрприз приготовила!

– Не, не! Я тя провожу. Мне-то чаво спешить? Я с женой нынче погостевать приехал к дочке на Новый год. Ох, скажу тебе, и осточертели мне они, энти обе суки! Все им всегда не так, а выпить-то мне с кем? Правда, хочь от дочки таперича отделался, недавно нашла какого-то обормота, москвича. Так опять – иврей, наверняка непьющий!.. Обещалась нынче познакомиться. А то ей все не угодишь – то пьяницы, а то бабники. Вот счас насилу и выскочил от нее, чтоб хочь малость выпить. А то горит! Вот, Гриш, такая у меня житуха, врагу не пожелаешь!

Гриша мало-помалу начал трезветь:

– Не, а у меня жена ничего, живем душа в душу, никто не мешает, и родители ее живут, слава богу, где-то далеко.

Он помолчал, прикидывая в уме что-то:

– Не, Вася, надо идти! Знаешь чего! А как тебя по батюшке? А, Ляксеич! Ну лады! Ляксеич, пошли сначала ко мне, дома выпьем, а потом мы и тебя проводим до дочки. Я-то живу недалеко.

– Ну-ка, мать твою за ногу, давай я подмогну! – Василий подхватил Гришу под руку.

Бродили долго. Все дома вроде на одно лицо – двенадцать этажей да один подъезд, и каждый – грязный, темный и вонючий. Заходили уже в четыре дома. Где отвечали, что таких тут нет, а где просто матюгали из-за двери.

Когда подошли к пятому, из подъезда выбежала Ольга.

– Во, сюрприз! Мамань, – крикнула она наверх женщине у открытого окна, – смотри кто пришел – папаня с Гришей! Уже где-то и познакомились! А ты волновалась, что не успеют. Гриш, пошли, познакомишься с мамой.

Василий Алексеевич с Гришей посмотрели друг на друга и громко заржали.

СЮРПРИЗ от Деда Мороза

«Афера – творческий подход к бизнесу».

Арон Вигушин

Оперативный дежурный 113-го отделения милиции города Пензы капитан Дундуков утром 29 декабря провел инструктаж всего личного состава, обратив внимание на усиленный предпраздничный режим.

Уже ближе к вечеру сержант Пендюк со своим напарником, рядовым Козлом, перевыполнив дневной план по задержанию нарушителей общественного порядка, возвращались в свое отделение.

Патрульная машина не спеша проехала мимо ярко освещенного здания Центрального универмага, мимо Драматического театра, как вдруг у елочного базара дорогу перегородил бородатый Дед Мороз в красной атласной шубе с большим подарочным мешком.

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

Козел резко нажал на тормоз.

– Ты что, дед! Пережрал? В обезьянник захотел? – заорал он.

Тут в боковом окне машины появилась голова Снегурочки – девушки лет сорока с ярко нарумяненными щеками и губами нараспашку в пол-лица.

Протянув Пендюку две рогатые игрушки, напоминающие коров с мордами, смахивающими на лицо самой Снегурочки, она, театрально хлопая наклеенными ресницами, промычала:

– Ну, мальчишки-ментики, выручайте! Опаздываем по вызову «золотого хмыря» поздравить его хмыренка.

– Это у которого ювелирный, что ли? – поинтересовался Пендюк

– Он самый, начальник, он самый. Не успеем, так он штаны с нас сымет.

– Ну, Петро, выручим артистов? – бросил Пендюк Козлу. И, не дожидаясь ответа, скомандовал:

– Залазьте быстрее. Только с вас по бутылке коньяка.

Милицейская машина, включив проблесковый маячок, помчалась по указанному адресу, распугивая спешивших в предпраздничных хлопотах пензюков.

– Командир, приехали! Тормозни у третьего подъезда, – попросил Дед, когда машина подъехала к красивому элитному дому на берегу Суры. Он протянул Пендюку две тысячи.

– А если подождете нас минут пятнадцать-двадцать, с нас еще столько же. Неохота отсюда выбираться без машины.

– Валяйте! Только учти, дед, после двадцати минут включим счетчик. Время пошло!

Артисты, захватив мешок с подарками, быстро скрылись в подъезде дома.

Спустя полчаса Дед Мороз с мешком и Снегурочка торопливо садились в машину.

– Сержант! Подбросьте нас обратно, к базару. Спасибо, что дождались. Вот должок, – дед протянул Пендюку шесть тысяч.

Сержант молча взял деньги и скомандовал:

– Петро, поехали взад!

Спустя два дня в «Пензенских новостях» в разделе «Происшествия» появилась заметка: «29 декабря приблизительно в восемь часов вечера была обворована квартира предпринимателя Х. Камера наружного наблюдения зафиксировала воровскую банду, в которую входили Дед Мороз, Снегурочка и два милиционера на патрульной машине. По предварительным данным, сумма похищенных ювелирных изделий и иностранной валюты составила около тридцати миллионов рублей. Милиционеры задержаны. В настоящее время ведется розыск Деда Мороза и Снегурочки».

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

ФОТОЛАБОРАТОРИЯ

ФОТОВЕРНИСАЖ: «ЧЕРНО-БЕЛЫЕ ГРЕЗЫ»

Микаел Абаджянц (МОССАЛИТ, Москва)

11 декабря в Библиотеке им. А. Платонова, Москва, состоялось открытие выставки Микаела Абаджянца «Черно-белые грезы»⁸. Выставка вызвала большой интерес, никого не оставив равнодушным. В роли фотохудожника Микаел выступает впервые, мы же знаем его как талантливого писателя, переводчика, члена Союза СП Армении, чьи произведения публикуются как в России, так и за рубежом. Как и литературные работы, так и выставленные фотоработы подкупают не только интересом автора к деталям, но и, в первую очередь, вдумчивостью, созданием особого состояния души и выстраиванием сожетной «картины» с подтекстом. Ниже представлены лишь некоторые из выставочных работ. Пожелаем автору творческих успехов!

На выставке

Непридуманная мозаика. Москва, 2016 г.

⁸ Выставка продлится до 19 января 2017 г.

Ласка. Ереван, 2014 г.

Бесконечная дорога. Москва, 2016 г.

*Почти футбольная история.
Москва, 2015 г.*

*В тиши дождливых переулков
Сантьяго де Компостела.
Испания, 2014*

Она. Москва, 2015

Ночные скорости. Москва, 2016 г.

За углом. Москва, 2015

Ферзь. Мертвое море, Израиль, 2015 г.

Три забытых стула. Мертвое море, Израиль, 2015 г.

Свет в окне. Москва 2014 г.

Знак. Москва, 2014 г.

*Кошки-мышки.
Москва, 2015 г.*

Связь. Крит, 2016 г.

Круги на воде. Москва, 2015 г.

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

СТОЛИК У ОКНА

Рубрику ведет Анна Народицкая

(МОССАЛИТ, Москва)

ОДИН, СОВСЕМ ОДИН, или СТАДНОЕ ЧУВСТВО

Привычно шагая по родной улице, я любовалась зимним солнцем и свежесыпавшим ноябрьским снегом. Легкий мороз, поднимая настроение и нежно пощипывая щеки, проникал в самую глубину души с каждым новым вдохом.

Я направлялась в свое любимое кафе, где грезы вдохновения окутывали меня своим вкусным туманом и неизменно помогали писать. По дороге, чувствуя небольшую тяжесть ноутбука в сумке, я начала обдумывать новую тему, захватившую мое внимание еще утром и подталкивающую быстрее сесть за компьютер. Тема возникла сама собой, когда одна странная мысль засвербела в мозгу, не давая ни минуты покоя: *почему я хожу работать в кафе, если могу это делать дома?* А действительно, почему?

Уютно устроившись в комфортном кресле, я включила ноут и, сделав глоток горячего кофе, углубилась в размышления. *Итак, дома мне никто не мешает, разве что телефон, но его можно игнорировать или просто выключить. Кофе дома тоже есть, причем отменный! Могу в полной мере наслаждаться напитком, пока пишу в тишине и тепле родных стен. Может, мне скучно одной? Но в кафе я тоже всегда в одиночестве (редкие встреченные знакомые не в счет). Так в чем же смысл моей странной привычки?*

Я стала искать скрытый мотив такого нелогичного поведения.

Ну то, что я слегка не в себе – вовсе не тайна. Все творческие люди немного с крышей набекрень. Это и помогает творить. Нет, вряд ли в этом причина моей кафешной мании.

Можно было бы предположить, что меня манят пирожные. Но тоже нет! Дома с таким же успехом могу поесть сладости, и даже без свидетелей! Нет, не то... с моей манией сохранить стройность – такая причина отпадает.

Ага! Есть еще вариант! Вероятно, в глубине души, где-то ОЧЕНЬ глубоко, я надеюсь встретить прекрасного принца. Он подойдет к моему столику и спросит: «Прекрасная незнакомка, о чем вы пишете?»

Бред какой! Нет, это тоже мимо. Когда пишу, я не вижу дальше экрана монитора. Для меня исчезает реальность, где уж тут принца заметить! Что-то все не то...

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

Я вдруг почувствовала, как между пальцев появился кончик той ниточки, которая распутает пестрый клубок моих «размышлизмов» и объяснит, наконец, истинную причину собственного алогизма.

Скорее всего, меня тянет попасть в гущу людей, потому что там происходит какое-то непрерывное движение, все меняется каждую секунду, завораживает, вдохновляет и дает пищу творческой энергии. А возможно, работа в кафе помогает почувствовать себя не такой одинокой, как дома. Здесь, среди людей, несмотря на свое уединение за столиком, я словно вхожу в некое сообщество – Сообщество Пришедших в Кафе.

Смешно? А может, и нет. Размышление по этому поводу утянуло меня в очередную философскую невесомость. Допив кофе, я положила пальцы на клавиатуру, и стены кафе растворились, увлекая в разрастающийся прямоугольник окна, в синее небо и потрескивающий от ноябрьского мороза воздух.

Каждый из нас приходит в этот мир в одиночестве, за исключением близнецов – они являются миру вместе (ну почти сразу). Уходим мы также по одному. В промежутке, между приходом в жизнь и уходом из нее, мы все время стремимся нарушить одиночество всеми возможными способами. Судите сами: сначала детский сад, затем школа, после институт и работа. Мы всегда в обществе, в окружении других таких же, как мы, одиноко пришедших и так же стремящихся лишиться этого природой данного уединения. Мы приобретаем друзей, обзаводимся семьями, рождаем детей и ждем внуков. Те же, кому не повезло с друзьями и семьей, находят иной способ не оставаться одному. В современном мире невероятное количество разнообразных сообществ, клубов и объединений по интересам.

Люди собираются вместе в храмах, сообща молятся и отмечают одни и те же праздники. Они – как огромная семья под защитой общего создателя. Другие, увлеченные здоровым образом жизни, скапливаются в спортивных залах и на стадионах, болеют одновременно за любимую команду, ощущают себя частью великого целого, даже сидя у телеэкрана. Театралы и ценители музыки обсуждают спектакли и концерты. Вместе ездят на фестивали и семинары.

Наш брат литератор скапливается в залах для читки и декламации. Увлеченно участвует в капустниках и импровизациях. Мы интересуемся конкурсами и штурмуем издательства, специально созданные для объединения «фанатов слова». Политические партии весьма успешно разделили людей на кучки единомышленников. Они сражаются с вымышленными врагами и продвигают в жизнь идеи, обещающие лучшую участь для всех. Даже гороскопы создают некие обособленные компании Стрельцов и Козерогов, Овнов и Скорпионов, Раков и Водолеев.

И все эти люди, объединенные одной идеей, единым делом «породнились», находясь далеко друг от друга и даже не будучи знакомы, верят в то, что у них много общего. А главное, их греет мысль: Я ТАКОЙ НЕ ОДИН!

Все! Буквально все люди на планете принадлежат к какому-либо сообществу, какой-либо группе или компании по интересам. Ученые и художники, учителя и медики, водители и финансисты – нет такого направления в жизни людей, где бы их нельзя было собрать в увлеченном изучении или смаковании общего дела.

*В то же время все чаще можно слышать о том, как хорошо быть **самодостаточным и независимым**. Женщины и мужчины, юноши и девушки подчеркивают свою самостоятельность во всем. **Самость** стала модной. Это предмет гордости и самоуважения. Да что далеко ходить, я тоже подвержена этому стремлению добиться всего самой! **Коммуны и отряды (бригады)** ушли в далекое советское прошлое. **Взаимопомощь, выручка, командный дух** – слова-атавизмы. Сейчас каждый сам за себя и*

Московский BAZAR, № 4 (22) 2016 г.

самодостаточность стала привилегией. Как-то странно получается: мы заменили плохое слово «одиночество» на хорошее «уединение» и полностью сломали этим смысл понятия.

Вспомнился старый анекдот про «один, совсем один», где брошенный супруг, начавший было горевать, вдруг обрадовался тому, что неожиданно стал свободен. Что же, выходит, человек в современном обществе живет в парадоксе? Радуетса одиночеству (то бишь уединению) и одновременно испытывает так называемое стадное чувство, стремясь окружить себя единомышленниками и друзьями, соратниками и коллегами.

Мы знаем немало случаев, когда героически смелые личности в одиночку совершали восхождение на вершины, переплывали огромные расстояния, летали на воздушном шаре и других летательных аппаратах. И все в одиночку, бесстрашно, безбашенно! У них не было подстраховки, помощи и возможности положиться на кого-то еще. Все эти отважные люди стали известны, их уважают, о них говорят. Их поступки считают подвигом, героизмом.

Зато если ты просто живешь один – всю длинную жизнь, также без помощи и подстраховки, у тебя нет семьи и детей, ты абсолютно самодостаточен и любишь обособленно проводить время, – ты изгой, странный, ненормальный. Тебя называют неудачником. А почему? Ведь тибетских отшельников, ушедших в горы, не считают лузерами. Получается, взойти на вершину в одиночку – подвиг, а прожить целую жизнь в одиночку – отклонение от нормы. А кто знает, что есть норма? Кто придумал нормы? Что такое подвиг? И где же золотая середина понимания нужности уединения и принадлежности к какому-либо сообществу?

Нет ответа на эти вопросы!

Думаю, каждый должен решать сам, как ему комфортней, с кем хорошо и где интересно. Без осуждения, без принуждения и без навешивания ярлыков. Вот и я оставляю свой уютный и любимый дом и прихожу сюда, чтобы поработать среди людей. Чтобы слышать тихо звучащую музыку, голоса за соседними столиками, наблюдать за прохожими на улице и тем, как постепенно темнеет за окном. Зимой темнеет рано и быстро. Скоро декабрь и Новый год. Вот и еще один повод нам всем почувствовать себя в одной команде – Команде Отмечающих Новый Год! И я в новогодний вечер с радостью присоединюсь к этой компании гуляющих среди нарядных городских елок и сверкающих гирлянд, среди украшенных витрин и улыбающихся людей, радостно покупающих подарки родным и друзьям. Это хорошее, доброе и светлое объединение, пусть оно будет! А потом, ближе к утру, я с меньшим удовольствием приду в свою чудесную квартиру и, ничуть не ощущая грусти, уединюсь в теплой и мягкой постельке, с книжкой и чашкой горячего чая. А утром я проснусь уже в новом году, таком же противоречивом и разнообразном, но дающем надежду получить ответы на вопросы, дождаться исполнения желаний и почувствовать себя совершенно счастливой, самодостаточной единицей такого огромного и доброго сообщества – СООБЩЕСТВА ЛЮДЕЙ ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ.

ГОРОСКОП НА ГОД ПЕТУХА

Анна Народицкая

Мартышка всех нас утомила.
Весь год, как истинный примат,
Таскала деньги, морды била,
Хоть был никто не виноват.

В год високосный, «обезьяний»,
Мы все измучились от бед,
Одни проблемы постоянно,
А перспективы роста – нет!

Грядет Петух! Огня творенье
И ранней песни эталон!
Он всем поднимет настроенье,
Мартышку прочь прогонит он!

Красавец в ярком опереньи,
Походкой царской в мир войдет!
Покой в семье, детей рождение,
Благополучье принесет!

Вернет здоровье тем, кто болен,
И отведет нас от греха.
Любой останется доволен
Прогнозом года Петуха:

Сулит надежды, обещает:
Успех в делах вернётся вновь!
Любые планы воплощает
И дарит верную любовь!

За Обезьянкины мученья
Воздаст нам всем Петух сполна!
Легко вдохнется, с облегченьем,
И в каждый дом придет весна!

